

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. In the foreground, a woman with long, flowing blonde hair is depicted in a white, off-the-shoulder gown, her dress billowing as if caught in a breeze. She is looking towards the viewer with a slight smile. In the background, to the left, a man in a grey t-shirt and blue jeans is crouching, holding a long wooden staff or wand aloft with his right hand. Behind them, the silhouettes of several onion-domed churches with crosses on top are visible against a dramatic, cloudy sky at sunset or sunrise. The overall mood is mysterious and ethereal.

Ольга Шпакович

В ПОИСКАХ РАЯ

16+

Ольга Геннадьевна Шпакович

В поисках рая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39424200

SelfPub; 2018

Аннотация

Что делать, когда тебе 16, у тебя непомерные амбиции и несчастная любовь? Герой романа Максим попадает в секту, где ему обещают решить все его проблемы и осуществить мечты. И дельцы от оккультизма не обманывают – желания в самом деле начинают исполняться. Но за всё надо платить. Так в погоне за всё более растущими амбициями Максим постепенно опускается на самое дно...

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	57
Глава 8	76
Глава 9	91
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Ольга Шпакович

В поисках рая

Часть 1

«Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: «я Христос», и многих прельстят.

...Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных...»

Евангелие от Матфея, глава 24.

Глава 1

«Тебе плохо?

Ты несчастен?

Тебя никто не понимает?

Магические сеансы помогут тебе!

Ты начнешь новую жизнь!

21 ноября – магический сеанс только для посвященных»

Максим, молодой человек шестнадцати лет, даже споткнулся, прочитав этот заманчивый призыв, отпечатанный крупным черным шрифтом на красной бумаге. «Тебе плохо? – Да, мне очень, очень плохо! Просто хреново! Ты несчастен? – Да, черт возьми! – Тебя никто не понимает? – Никто! Люди – стадо посредственностей. И если кто-то, как я, например, выделится из этого стада, тупые овечки затоптать его готовы!.. Магические сеансы помогут тебе... двадцать первого ноября, то есть сегодня, магический сеанс только для посвященных. Ну, в таком случае, я тоже хочу стать посвященным».

Афиша висела у парадного входа в ДК Химмашкомплект. Вечерело. Вход был ярко освещен и заметно выделялся в темноте. К парадной подъезжали нарядные автомобили. Из них выходили улыбающиеся, хорошо одетые люди, от которых так и веяло благополучием. Максим последовал за ними.

В первый миг он растерялся от яркого света множества люстр. Посетители приветствовали друг друга, здесь явно все были знакомы. На входе гостей встречала женщина.

– Добрый вечер! – обратилась она к Максиму с приветливым, но выжидательным выражением лица. – Простите, вы куда?

– Я? На сеанс... – бодро ответил он, приосанившись.

– Простите, я, может быть, не всех знаю в лицо... У вас есть карточка члена клуба?

– Нет. Какого клуба?

– Клуба благополучных людей.

– Благополучных людей? А разве есть такой клуб?

– Как видите, есть. Здесь раз в месяц собираются люди, которые при помощи магических сеансов святой Виринеи избавились от проблем и стали полностью благополучными людьми. Сожалею, молодой человек, но сегодня сеанс только для посвященных, для тех, кто достаточно уже обучился, прошел необходимые ступени... Вам будет сегодня просто неинтересно... Вы мало что поймете... Но если вы хотите примкнуть к нашему избранному обществу...

– Хочу, хочу! Очень хочу!

– Прекрасно! В таком случае, приходите сюда двадцать третьего в шесть часов.

– Вечера? – задал Максим дурацкий вопрос.

– Ну, не утра же! – усмехнулась незнакомка.

Честно говоря, если бы она сказала, что встреча состоится

в три часа ночи, он бы несколько не удивился, настолько все казалось необычным.

Надо ли говорить, с каким нетерпением он ждал двадцать третьего! Без пятнадцати шесть он уже стоял в вестибюле Дворца культуры. Та же женщина стояла на входе, она приветливо улыбнулась ему, как старому знакомому.

– Проходите в двадцать шестую аудиторию, пожалуйста.

Максим последовал в указанном направлении, без труда нашел нужную аудиторию – и очутился в просторном помещении, а несколько закрытых дверей указывали на то, что к этому помещению примыкают другие. В этой весьма просторной комнате сидело несколько человек. Они тихо переговаривались. Дородная женщина с пшеничной косой, уложенной кокошником над круглым лицом, отделилась от них, подошла к новичку с теплой, уютной улыбкой.

– Рада приветствовать вас в нашем клубе! Лилия, – представилась она, протягивая по-мужски широкую, жесткую руку.

– Максим.

– Пройдемте со мной, – она властно поманила его, отворила одну из дверей и величаво прошествовала в соседнее помещение.

– Присаживайтесь.

Максим осмотрелся: он находился в маленькой комнатке, разделенной перегородкой еще на две части. По одну сторону перегородки стояло кресло, ошетинившееся проводами,

как еж. Оно напомнило что-то медицинское. По другую сторону находился стол с экраном.

– Куда садиться-то? Сюда?

– Да, в это кресло.

– А что будет?

– Будем ставить диагноз.

– Я здоров.

– Я в этом не сомневаюсь, – усмехнулась Лилия. – Но мы будем ставить диагноз ваших проблем.

Максим сел в кресло, Лилия пристегнула к нему провода.

– Сейчас я буду задавать вам вопросы, вы должны отвечать правду. Если вы попытаетесь слухавить, я тут же об этом узнаю. Вот эта машина, – она кивнула на загадочный экран, – просигналит мне. Но не рекомендую лукавить – это не в ваших интересах.

– Это что – детектор лжи?

– Что-то вроде этого.

Лилия заняла место за экраном, подключила что-то, раздалось равномерное жужжание электронных датчиков.

– Вы готовы отвечать на мои вопросы?

– Да.

– Ваше имя?

– Максим Ларионов.

– Возраст?

– Шестнадцать.

– Учитесь?

– Да, в школе. В девятом классе.

– У вас есть мать?

– Нет. Она умерла.

– У вас есть отец?

– Нет... То есть, да...

– Не поняла. Нет или да?

– Когда умерла мама, папа женился и уехал. Мы с сестрой живем с бабушкой.

– Вы осуждаете отца?

– Н-нет... Наверно, нет.

– Вас устраивают отношения с бабушкой?

– Да.

– Вас устраивают отношения с сестрой?

– Да.

– Вас устраивают отношения с одноклассниками?

– Н-нет... Нет!

– Что вас не устраивает?

– Как они относятся ко мне.

– Как?

– Они... ну, они ко мне... равнодушны.

– А вы хотели, чтобы они как относились к вам?

– Ну, уважали меня... Восхищались мной...

– А как вы учитесь?

– Средне.

– Что вам удастся особенно хорошо?

– Не знаю. Все одинаково. Или нет. Литература.

- Кем вы видите себя в будущем?
- Известным журналистом.
- У вас есть увлечения?
- Да. Музыка.
- Что вы предпочитаете слушать?
- Русский рок. Ну, Цой, Кинчев, Гребенщиков... Я на гитаре немножко играю. Тексты пытаюсь сочинять. Не очень пока, но мне нравится.
- Прочитайте что-нибудь.
- Может, не надо?
- Надо.
- Ну... «Ты взлетишь высоко, как орел,
Ты раздвинешь границы мышленья,
В твоём сердце – священный огонь
Богоизбранности и вдохновенья».
- Вы верите в бога?
- Нет.
- У вас есть друзья?
- Нет.
- У вас есть мечта?
- Да. Я очень хочу стать «патефонщиком».

Глава 2

...Прозвенел звонок на перемену. Как только учительница вышла из класса, Кирилл вскочил на стул, вытащил из кармана билеты и, размахивая ими, стал кричать: «Билеты на дискотеку в «Патефон»! Всего по рублю!» К нему стали подходить желающие с рублями. Потапова Анька, комсорг, возмутилась:

– Товарищи, это спекуляция! Билеты на самом деле бесплатные! А ты, Киря, пользуешься тем, что у тебя брат в «Патефон» ходит... Не покупайте у него билеты! Он попросту наживает на вас!

Ребята растерянно застыли со своими рублями. Но тут кто-то крикнул:

– Правильно, бесплатные! Но их мало! Они рассасываются по всему городу! Я, например, не видел ни одного счастливого, которому они достались бы бесплатно!

Раздались крики:

– Лучше заплатить какой-то рубль, зато без проблем попасть на лучшую в городе дискотеку.

– Я соберу комсомольское собрание! – не сдавалась Потапова.

– Нашла, чем испугать! Собирай! Сейчас время другое! Ветер перемен дует на восток! Поняла?

Ребята протягивали деньги и получали взамен вожака-

ные билеты. Он был настоящий лидер, этот Кирилл. Он раздавал билеты, как манну небесную. Со всех сторон к нему тянулись руки жаждущих. Максим тоже подошел.

– А тебе чего, ботаник?

– Как чего? Билеты. Для меня и для Женьки. Вот. Два рубля.

– Тебе не дам! Таким, как ты, нечего делать в «Патефоне»! Ты своим дурацким видом испортишь имидж лучшей дискотеки. Там – только избранное общество!

Кто-то злорадно захихикал. У Максима слезы навернулись на глаза от обиды и унижения. Хорошо, что за стеклами очков не видно было.

– Впрочем, сестрице твоей продам. Так и быть. Сестрица твоя красotka!

– Без Макса не пойду! – заявила Женя.

– Тогда мой большой пardon! – Кирилл поклонился, кривляясь. – Подходи! Кто следующий?

Максим дрожащими от волнения руками вытащил из внутреннего кармана пиджака червонец.

– А за десять рублей? – голос охрип.

Повисла напряженная пауза. Кирилл смотрел на него холодными голубыми глазами. Затем его тонкие губы расплылись в усмешке.

– Уважаю. Это уже деловой разговор, – а потом дурашливо закричал:

– Десять рублей за два билета! Кто больше? – Десять руб-

лей раз, десять рублей – два, десять рублей – три! Продано! Счастливые обладатели, получите билеты, всем остальным – мой большой пардон! Коммерция – прежде всего.

Таким образом, пропуск в рай был получен.

В тот же вечер Максим с сестрой Женей стояли перед входом в дискотеку «Патефон». Безбилетного народа под дверями было с десятков, если не больше. Они с завистью смотрели на счастливых обладателей билетов. Некоторые пытались прорваться, но вышибала – какая-то пенсионерка свирепого вида – пресекала все попытки. Гордо предъявили билеты, вошли.

Вот оно – святая святых. Впрочем, таковым это помещение становилось только раз в месяц, во время дискотек. В обычное время дискотека «Патефон» выглядел как обычное бюрократическое учреждение. Коридоры, кабинеты. Это был вообще-то райком комсомола. Но у комсомольского вожака Вячеслава Борисовича появилось хобби: дискотека, который он основал под видом коммунистического воспитания молодежи. По собственной прихоти, из любви к искусству он совмещал должность секретаря с должностью руководителя дискотеки. Днем Вячеслав Борисович делал карьеру партийного деятеля, являясь на работу в строгом костюме и посвящал рабочие часы коммунистическому воспитанию молодежи, а вечером он облачался в джинсы, с упоением слушал дорогую сердцу музыку Битлз, Блэкмора и рассказывал своим «патефонщикам», среди которых были

в основном студенты, о новостях рок- и попмузыки. В дни дискотек райком комсомола преображался: в холле водружали бар, где торговали пирожными и лимонадом, но на заднем плане красовались оригинальные бутылки из-под мартины и кальвадоса. В тот день в ожидании дискотеки все тусовались в этом холле, ели пирожные и слушали музицирование какого-то паренька, который наигрывал на пианино что-то из «Битлз». Потом громкая музыка из соседнего зала возвестила о том, что дискотека началась. Народ устремился туда. Окна были наглухо занавешены. Темнота зала прерывалась светомузыкой. На сцене стояла аппаратура, которой управляли парни в наушниках, дискотечники, «патефоновцы», небожители. Программу вел дискжокей, вытанцовывавший на сцене. Сама программа была оригинальна тем, что представляла собой мини-спектакль на музыкальную тему. Переделали «Золотой теленок» Ильфа и Петрова. Автопробег по музыкальным стилям и направлениям. На сцене красовалась картонная Антилопа-Гну. Остап Бендер, Паниковский и Шура Балаганов спорили о том, какой магнитофон лучше – Сони или Грюндиг, и что круче – диско или рок...

...В «Патефоне» собирались в понедельник, среду и пятницу, в шесть часов. В ближайший понедельник Максим с трясущимися коленками вошел в помещение дискотеклуба, то бишь райкома комсомола. Он вновь очутился в холле, где в дни дискотек сооружали бар. Теперь там стояла необыч-

ная тишина. Но едва слышные звуки музыки указали, куда идти. Музыка доносилась из двери, над которой висел маленький, от руки написанный плакат: «Патефон». Он открыл эту дверь. И попал в то вожаделенное место, где царила атмосфера музыки, свободы, праздника. Ему улыбкой Моны Лизы улыбался Джон Леннон с огромного портрета, профессиональная аппаратура отдыхала на полке, лица ребят промелькнули перед Максимом калейдоскопом. Очки поползли по вспотевшему носу. Но пауза затягивалась.

– Кто тут главный?

– Ну, я, – отозвался Вячеслав Борисович. – Чем могу?..

– Я хочу тоже стать «патефоновцем»! – выпалил Максим с вызовом.

Все засмеялись.

– Я сказал что-то смешное? – голос предательски дрогнул.

– Нет, конечно, – возразил Вячеслав Борисович, иронично улыбаясь. – Просто нам, в принципе, никого не надо... Хотя свежая струя не помешает. Что ты можешь нам предложить? Есть у тебя идеи? Поясню. Если ты был на наших дискотеках, то знаешь, что у нас не только музыка, у нас что-то вроде театрализованной постановки. Сейчас идет «Золотой теленок». Гениально, конечно, но – надоело. Сможешь придумать что-нибудь вроде этого? Если напишешь сценарий дискотеки – возьмем. А так – извиняй. Таких желающих может целый город набежать. А дискотека не резиновый.

Максим развернулся и понуро вышел...

* * *

– Итак, вы считаете, что если станете этим... как вы говорите... «патефоном», то ваши проблемы с одноклассниками будут решены?

– Конечно! Я уверен в этом!

– Так станьте!

– Это невозможно!

– Почему?

– У Кирилла брат в «Патефоне». Но даже он не может повлиять на руководителя, чтобы Кирилла приняли...

– Но ведь вам руководитель сказал, что примет вас при условии, что вы напишете сценарий.

– Я не смогу написать сценарий!

– Почему?

– Потому что я не смогу придумать ничего интересного.

– Но ведь вы же говорили, что у вас хорошо идет литература.

– Да, но пять по литературе – это еще не сценарий.

– Вы хотите стать журналистом, значит, признаете за собой способности писать, творчески мыслить. Так?

– Да, но...

– Прекрасно! Вот ваша первая цель... Идем дальше. У вас есть девушка?

– Что? – Максим растерялся, смутился и покраснел.

– У вас есть девушка?

– Нет, то есть... не знаю, в каком смысле.

– В таком случае задам вопрос по-другому: в каком смысле у вас есть девушка?

Глава 3

...Ее зовут Инга. Она – новенькая. Я обратил на нее внимание в первый же день. К девчонкам до тех пор у меня особого отношения не было. Вы знаете, моя сестра очень красива, да, мы похожи, мы близнецы, но я как-то лицом не вышел, а моя сестра... Раньше все другие особи женского пола казались мне бледными по сравнению с ней. Пока я не увидел Ингу. Она сидела впереди. Сначала я равнодушно лицезрел ее спину. Ничего особенного: черные волосы, коса. И вдруг она обернулась... Женька до сих пор не может понять, что я в ней нашел. Она говорит, что красота Инги – на любителя. В таком случае я и оказался тем самым любителем. Она смуглая, как все настоящие брюнетки. А значит, яркая. Мне нравятся яркие женщины. Вот моя сестра тоже яркая. У нее темные волосы, а кожа – белая, и глаза – голубые. Правда, интересно? Глаза у моей сестры большие, с длинными ресницами, у Инги – тоже. Нос... а что нос... Прямой, аккуратный. Губы... У моей сестры – маленькие, кокетливые, что называется – бантиком. А у этой – большие, развратные. В общем, Инга мне показалась лучше. Как-то выразительнее, соблазнительнее... Ну, и вот... Я ее захотел, а она была ко мне равнодушна... Мне каждую ночь снились всякие дурацкие сны. Мне снилось, что ее лицо, обычно холодное, бесстрастное, чуть презрительное, искажают самые разнообраз-

ные чувства: восхищение мною, смирение, страсть... Словом, то, чего я никогда не видел на ее лице в реальности, но много раз видел в воображении.

– Максим, – говорит она, и ее низкий голос дрожит. – Я хочу тебя!

– Вот оно, свершилось! – и меня горячей волной переполняет такое счастье, какого я никогда в жизни не испытывал ни тогда, ни потом. И когда я готов обнять ее – сон прерывается... Короче говоря, эти сны довели меня до того, что я решил: или все – или ничего. Я попросил сестру, чтобы она пригласила Ингу к нам домой, что она и сделала под каким-то предлогом. Я не хочу рассказывать, как мы пили чай, болтали, как мне показалось, что Инга с интересом на меня посматривает. Это были мои иллюзии. И вообще, мне неприятно вспоминать об этом, но я вспомню. Сестра вышла. Мы продолжали болтать о чем-то, Инга казалась оживленнее обычного, я почти уверил себя, что она увлечена мною. Да может, так оно и было, но я своим нетерпением, неопытностью все испортил. Играла музыка. Я пригласил Ингу танцевать. Она вся казалась во власти какого-то очарования, щеки у нее разрумянились. Впрочем, мы выпили немного... Не знаю. Кончилось все тем, что я грубо схватил ее и повалил на кровать. Она пыталась освободиться. На ней была школьная форма, так как она зашла к нам прямо после уроков. Я стал срывать с нее школьное платье. Помню, как оголились ее плечи и грудь. И – я растерялся. В моем вооб-

ражении я рисовал ее женщиной с обольстительными пышными формами, а тут я увидел худенькие плечики и совсем еще детскую, не оформившуюся, плоскую грудь. Короче говоря, вместо развратной соблазнительницы я увидел беспомощную девчонку, которая смотрела на меня, как на злодея и плакала, поскуливая, как собачка. На какой-то миг я растерялся, она воспользовалась этим, вырвалась и убежала... Наверно, у нее нервы пошаливают, иначе как объяснить, что она, не приведя себя в порядок, в расстегнутом платье, с оголенной грудью выскочила на улицу, и все это с воплями... В дверях она столкнулась с моей сестрой, которая, разумеется, ни о чем не догадывалась, наговорила моей сестре всяких гадостей и побежала по улице... Как на зло она столкнулась с моими одноклассниками, их было человек шесть парней и девчонок. Я в окно наблюдал, как она что-то им говорит, размахивая руками и указывая в сторону моего дома. На другой же день о моих «подвигах» узнал весь класс...

* * *

...— Я думаю, достаточно. Картина ясна. А теперь послушайте ваш диагноз. У вас заниженная самооценка. Вы привлекательны, но считаете себя некрасивым. Вы не уверены в себе, а потому глупо вели себя с девушкой, которая была к вам изначально расположена. У вас странное противоречие в характере: вы хотите добиться успеха, хотите, чтобы вами восхищались, у вас амбиции, молодой человек, да еще какие, стало быть, в душе вы считаете себя достойным этого

восхищения... И в то же время вы считаете себя недостойным, некрасивым, неспособным. Странное сочетание: заниженная самооценка при внутреннем осознании своей исключительности. Ведь вы считаете себя необыкновенным?

– Ой, ну что вы...

– Мой аппарат зашкаливает. Говорите правду! Вы считаете себя необыкновенным?

– Да.

– Считаете себя талантливым?

– Да.

– Гениальным?

– Да!

– А в чем ваша гениальность?

– Не знаю.

– Понятно... Ну, вот что. Максим, первую ступень мы пройдем с вами бесплатно. Если поможем, дальше будете платить.

– Платить?

– А как же! Знаете о законе перетекания энергии? Ну так вот: ваша денежная энергия перетекает к нам, а наша энергия высшего знания перетекает к вам. Первую ступень проходите бесплатно, потому что вы должны знать, за что платите. Не поможет – расстанемся друзьями. Но обычно помогает.

– Но... где я возьму деньги?

– Когда вы пройдете первую ступень, перед вами этот во-

прос не будет стоять. Точно также как не будут стоять и многие другие, которые сейчас кажутся неразрешимыми.

– А что это за первая ступень?

– Первая ступень – уметь повелевать собой. Вторая ступень – уметь повелевать другими. Вы готовы?

– Готов!

* * *

...Максим сочинил сценарий в тот же вечер. Эта непосильная задача решилась до удивления просто. Достаточно было положить перед собой чистый лист бумаги и произнести несколько раз:

– Я талантлив! В моей голове полно гениальных идей! Сценарий – это так просто! Я обожаю писать сценарии!

Сначала было ощущение легкости и счастья. Он смотрел в черноту за окном и улыбался. Затем из пустоты, в которой смутно звучали голоса, смех, обрывки музыкальных фраз стало выкристаллизовываться что-то радостное, увлекательное, захватывающее.

Это была программа передач. Например, включаешь телевизор, а там – «Будильник», сначала – позывные этой передачи, а потом – забойная музыка, способная и мертвого пробудить. Дальше в эфире «Новости», разумеется, из области музыки. А та новинка, о которой рассказывает диктор, и прозвучит. Что еще... «Утренняя почта». Можно выполнить заявку. А в «Клубе знатоков» – поиграть с ребятами. А самое интересное – вечерний эфир: «Мелодии и ритмы зарубеж-

ной эстрады». Там будет сольный Женькин танец... Женька – отличная танцорка, всю жизнь танцами занимается. Максим ее тоже решил привлечь, потому что они – близнецы, друг без друга – никуда. По крайней мере, в то время... Идея на каждой дискотеке выбирать «мисс Очарование», лучшего танцора и лучшую танцевальную пару – тоже хороша.

В ближайшую то ли среду, то ли пятницу Максим вновь был в «святая святых». На этот раз он приближался к двери с надписью «Патефон», чеканя шаг. Толкнул ее, вошел в накуренную комнату победителем. Выдохнул:

– Придумал!

Кто-то придвинул стул, кто-то потрепал по плечу, кругом – улыбающиеся, доброжелательные лица. Максим стал читать.

– Ну, вот, – изрек Вячеслав Борисович, когда сценарий был дочитан. – Теперь ты наш.

Так Максим стал «патефоновцем». Первый шаг к достижению его мечты – стать кумиром ну, не всего человечества, но хотя бы для начала группы из двадцать пяти человек – одноклассников, был сделан.

В классе он тщательно скрывал свою причастность к избранному обществу. Ему хотелось преподнести сюрприз одноклассникам. Целый месяц готовилась новая программа под названием «Телевизор» по его сценарию. Наконец она была готова, день назначен, и наступил момент раздачи билетов. Все брали по два, по три. Брат Кирилла взял десять,

чтобы Кирилл бизнес делал, а Максим попросил двадцать пять. Сначала все были обескуражены, а потом Вячеслав Борисович сказал:

– Ладно, он автор, сделаем исключение.

И Максиму дали двадцать пять билетов.

На другой день во время уроков он исподтишка наблюдал за Кириллом. Он казался оживленнее обычного и то и дело поглаживал карман пиджака, где у него, очевидно, лежали билеты. Он наверняка предвкушал, что его десять билетов через несколько минут превратятся в десять рублей. Когда прозвенел звонок на большую перемену, Кирилл решил действовать. Он вскочил на стул, выхватил пачку билетов и, размахивая ими, прокричал:

– Билеты в «Патефон»! Новая программа! По сценарию нового патефонового гения! Цена – два рубля! Налетай! Количество билетов ограничено! Десять счастливых, торопитесь!

Одноклассники, хлынувшие было к нему, нерешительно остановились, услышав новую цену.

– Ты же раньше по рублю продавал!

– Так то была старая программа! А это – новая! Брат говорил, какой-то новоявленный гений сочинил. Так что по рублю обидно, однако!

– Совсем обнаглел, спекулянт проклятый! – чуть не плача, кричала идейная Потапова. Ей очень хотелось на дискотеку. – Ребята, не покупайте у него! Скоро у нас в школе

осенний бал...

– Сказанула! Сравнила! У нас музыка дурацкая! Магнитофон даже не стерео! Свет не выключают! Учителя наблюдают!

– Девчонкам в брюках нельзя! Эх, Кирюха, давай свои билеты!

И вот, когда совсем уже готовы были протянуться руки, где-то во вселенной раздался гром – это пробил звездный час Максима.

– Ребята, слушайте сюда! Вот билеты в «Патефон». Их ровно двадцать пять, на всех хватит. Бесплатно.

Что значит знаменитая немая сцена в «Ревизоре» по сравнению с тем, что он наблюдал в классе! Эта сцена длилась несколько упоительных секунд. Потом последовало объяснение.

– Выходит, это ты тот новоявленный гений? – спросил кто-то. А Кирилл просто вовремя понял, кто оказался сильнее. Они оба игроки, только в тот день удача оказалась не на его стороне...

Глава 4

Перед началом дискотеки Женя зашла в туалет, поправила перед зеркалом непослушный локон, убедилась, что тушь на ресницах не размазалась, и что вообще она – девочка хоть куда, и вдруг ее внимание привлекли голоса. Женя выглянула в открытое окно дамской комнаты и увидела двух девиц, которые пытались по стене вскарабкаться на это самое окно, которое, хоть это и был первый этаж, находилось довольно высоко. Увидев ее, одна из них протянула ей руку, и Женя, не успев даже удивиться, втащила ее.

– Благодарю!.. Ну, чего стоим? Кого ждем? Пошли! – командовала незнакомка.

– А как же твоя подруга?

Та только рукой махнула. Женя восхищенно оглядела незнакомку, она показалась ей невероятно хорошенькой.

На дискотеке они не отходили друг от друга. В самый разгар веселья Женя предложила:

– Жарко! Пошли в туалет, умоемся.

– Пошли.

Они взялись за руки и выбежали из зала в прохладное, ярко освещенное фойе.

– Давай, наконец, познакомимся. Женя! – представилась Женя.

– Юра, – в свою очередь представилась прекрасная незна-

комка.

– К-как?

– Юра.

Женя с удивлением посмотрела на короткие, но курчавые и пышные волосы этой девочки-мальчика, на ее, его длинные загнутые ресницы, окунулась в омут огромных карих глаз, скользнула взглядом по ярким точеным губам, маленьким изящным рукам. Да, он одет в джинсы и джемпер, но любая девчонка может одеться так. Да, на нем, теперь она разглядела, мужские ботинки, но размер-то крошечный. Женя в сильном смущении выдернула свою руку, однако новый знакомый, по-видимому, не заметил ее растерянности. Он безо всякого стеснения влетел в женский туалет, где толпились девчонки, поправляя прически, чулки, бюстгалтеры. Никто не обратил на Юру внимания. Он сполоснул разгоряченное лицо холодной водой из-под крана, подождал, пока то же самое сделает Женя, и скомандовал:

– Возвращаемся! Классная песня заиграла!

Когда дискотека закончилась, Юра вынул из кармана миниатюрную записную книжку и авторучку:

– Жень, а если я тебе позвоню?

– Записывай, – усмехнулась Женя, пока еще смутно представляя, что она будет делать с новоявленным знакомым.

После дискотеки Максим небрежно заметил:

– Что за девочка была с тобой весь вечер?

– А что, понравилась?

– Да, ничего.

– Эту девочку зовут Юра, – и Женя расхохоталась, глядя на недоуменное лицо брата.

* * *

Постепенно Юра стал постоянным гостем у брата и сестры. Сначала Максим думал, что он равнодушен к Жене, потом понял, что он воспринимает ее просто как хорошего товарища. Они непринужденно болтали, обсуждали какие-то женские проблемы: тряпки, парфюмерия... И он решил раскусить этого странного паренька. Как-то раз, когда Жени не было, и они остались вдвоем, Максим нарочно молчал, вынуждая гостя одному вести беседу. Юра, несколько сбитый с толку непонятной неразговорчивостью приятеля, болтал о нехитрых вещах, занимавших его:

– У Женьки такие классные духи – «Черная магия». Настоящие французские! Боже! Это же мой любимый аромат!

– Слушай, Юрка, что ты все о бабском? Духи да тряпки... Еще немного, и вы с Женькой кавалеров обсуждать начнете. Ты какой-то странный, какой-то не такой, как все.

– А что – это заметно? – Юра смутился и растерянно заморгал своими шикарными ресницами.

– Что – заметно?

– Ну, то, что я не такой, как все.

– Значит, ты сам это видишь?

Юра густо покраснел, «как девица красная», – отметил про себя Максим, жалея, что это не девчонка.

– Ты знаешь, я ни с кем не разговаривал на эту тему. Никогда.

– Поговори со мной.

– Мне как-то неудобно...

– Брось! Это ложный комплекс.

– Ну... Это давно беспокоит меня. Может быть, если я выскажусь, мне станет легче?

– Легче – это наверняка. К тому же ты говоришь не с посторонним человеком, а с другом.

– Вот именно – с другом! Я действительно считаю тебя лучшим своим другом.

– Я – тоже. Поэтому – не сомневайся, говори!

– Я с детства не такой, как все. Мама хотела девочку, а родился я.

– А отец?

– Отца у меня нет... Ну, в общем, мама наряжала меня, как девчонку, сюсюкала... Может, от того я такой?

– Может.

– Я и играть больше любил с девчонками. Меня никогда не привлекали игры в войнушку, лазанья по деревьям, драки... Пацаны обзывали меня девчачьим пастухом. А потом, когда начались все эти разговоры про девчонок, про... ну, ты меня понимаешь... я обнаружил, что девочки кажутся мне привычными и будничными существами, мне всегда было легко с ними общаться и не приходило в голову, что можно испытывать к ним более нежные чувства. Зато перед парня-

ми я начал испытывать странное волнение... Но повторяю, я никому еще, даже маме, не признавался в этой ужасной тайне.

Максим слушал признания приятеля, и у него стал созревать план, ему захотелось побывать в роли ангела-искусителя:

– Ты напрасно так преувеличиваешь эту проблему! Это даже не проблема, хотя, конечно, можно и из мухи сделать слона. Ты погряз в ложных комплексах: в самом деле, кто сказал, что мужчине любить мужчину нельзя? Кто? Такой же человек, как и мы все. Почему он взял на себя право быть истиной в последней инстанции? И потом – как же все относительно! Ну, например, в Древней Греции считалось совершенно нормальным, когда мужчина предпочитал мужчину женщине, об этом писали античные поэты, которых мы, между прочим, считаем классиками. Даже поэмы есть о том, почему мальчики предпочтительнее... Напротив, совсем напротив, то, что ты – нетрадиционной ориентации, свидетельствует о твоей оригинальности. А оригинальность, непохожесть на других, некоторая чудинка – присущи всем талантливым людям. Ну, например, о прелестях однополой любви писал Оскар Уайльд. То же можно сказать о Поле Верлене. Короче говоря, у многих великих мира сего причастность к сексуальным меньшинствам считалась чуть ли не признаком хорошего тона. Скажу больше, я сам жалею, что не могу похвастаться этим, что я – обыкновенный, такой же, как все

посредственности. И еще – помни о том, что мы один раз живем и глупо отказывать себе в удовольствиях из-за пред-
рассудков!

– Ты все это серьезно?!

– Серьезней некуда! Ну, что ты смотришь на меня такими глазами, словно я тебе Америку открыл? Да что там долго говорить? Я тебе найду в нашем городе единомышленников.

* * *

...– И ты нашел ему единомышленников? – спросила Лилия, пристально глядя на Максима.

– Нашел, хотя это было не просто. Но ваши сеансы – удивительная вещь! После того, как я с вашей помощью осознал, что я – гений, что я все могу, мне кажется, что для меня нет ничего невозможного. В самом деле, я не верил, что смогу написать гениальный сценарий для «Патефона», а после первого же сеанса написал! Моя мечта сбылась – я стал своим среди «патефоновцев», в классе на меня все сверху вниз смотрят, даже Кирия, которого я всегда боялся, и который любил надо мной подшутить, этот Кирия теперь ищет моей дружбы!

– Макс, ты способный ученик. Помнишь, я тебе говорила, что итог первой ступени – научиться владеть собой? Владеть своими эмоциями, своими способностями... Научишься владеть собой – научишься владеть миром... Только я не поняла, для чего тебе этот несчастный?

– Юрка-то? А как же! Я учусь владеть людьми! Потому

что в конечном итоге именно это – моя самая заветная мечта!

– Владеть людьми – это тема второй ступени. А вообще надо протестировать тебя на предмет твоих прошлых жизней... Возможно, в прошлом ты был королем. Но знаешь, что меня радует? Что ты полностью раскрываешься передо мной, не стесняешься говорить о вещах сокровенных.

– Но ты же сама говорила, что если учитель не будет знать всей подноготной ученика, толку от сеансов не будет.

– Разумеется! Поэтому я и радуюсь за тебя. Ты делаешь большие успехи... Итак, ты пообещал найти этому парню единомышленников... Что ты сделал для этого?

– О! Это было непросто! Раньше эта задача показалась бы мне непосильной! Я застенчив по натуре... Этаким ботаник... Когда я обещал Юрке найти ему единомышленников, я не знал еще, как я возьмусь за дело. Когда он ушел, я закрыл шторы, потушил свет, уже был глубокий вечер, вывесил снаружи табличку, чтобы меня не беспокоили, и плотно закрыл дверь. Потом я стал медитировать.

– Каким образом?

– Я отключил все мысли, чтобы в голове была такая же ночь, как и снаружи. Потом я представил себя орлом, парящим над землей. Подо мной проплывают острые вершины скал, а надо мной – звездное небо... Это было удивительное ощущение: полная свобода и власть над миром. Выше меня – только звезды. Потом я скомандовал себе: я нахожу реше-

ние проблемы! Я был совершенно спокоен, я знал, что через несколько минут решение всплывет у меня в голове.

— Ну, и как — всплыло?

— В лучшем виде! Я подумал: где же мне искать голубых, как не в «Петушке»?!. Если не знаешь, это кафе, где собирается самая продвинутая молодежь. А раз так, подумал я, то и голубые наверняка там бывают. На следующий же вечер я был там. Все, как обычно: развязные парни и девчонки за столиками. На застиранных скатертях — чашечки с остывшим кофе. Я осмотрел всех присутствующих прицельно, надеясь, что какая-нибудь деталь укажет мне тех, кого я ищу. Судьба была ко мне благосклонна — я увидел компанию, на которую в другое время не обратил бы внимания: за двумя сдвинутыми столиками кучковались шесть парней. Четверо были парни как парни — ну, модный прикид, рваные джинсы, металлические браслеты, все как надо, этикие мужественные фредди меркури. А трое... нет, тоже хорошо одеты, но что-то в их облике казалось странным — то ли манерность, с которой они держали чашечки, оттопырив мизинчики с металлическими перстнями, то ли длинные волосы... не знаю, только интуиция мне подсказала: «А вот и голубые!» Я заказал джентльменский набор — пирожное «корзиночку» и кофе и двинулся к этой честной компании. Соседний столик, слава богу, оказался незанятым. Я присел за него, а сам не спускал глаз со своих соседей. Они, разумеется, заметили, переглянулись, а потом один из них с нехорошим выражением

на лице подвинулся ко мне и говорит: «Чему обязаны таким пристальным вниманием?» Я отвечаю: «Простите, если что не так. Только видите ли – у моего приятеля проблемы». – «Какие?» – «Он – не такой, как все. Вы меня понимаете? Ему очень одиноко». При этом я выразительно смотрел на него. Он помолчал, потом аккуратненько так спросил: «А почему ваш друг сам не решает свои проблемы?» – «Застенчив» – «Это бывает... А что, вам кто-то посоветовал придти именно сюда?» – «Да, разумеется. Так что мне передать моему другу?» – «Ну, пусть завтра приходит сюда. Как его зовут?» – «Юра». Парень отвернулся от меня, я поспешно доел свое пирожное, запил его кислым кофе и покинул это заведение с сознанием выполненного долга. На другой день мы пришли в кафе вместе с Юрой, голубые приняли его в свою компанию, а я ушел. Вот и все. Благодаря мне человек обрел душевный покой, счастье и единомышленников. Надо ли говорить, что я стал для него богом? Теперь он за меня – и в огонь, и в воду.

– Тебе это надо?

– Сейчас не надо. А в будущем – кто знает? Главное, я проверил себя. Теперь я могу владеть душами людей.

– Я готова поставить тебе оценку «пять», но есть одно обстоятельство.

– Какое?

– Ты говорил, что у тебя есть неразделенная любовь. Как твои дела с этой девочкой? Над ней ты тоже одержал победу?

– Ах, Инга... Мои чувства к ней как-то поблекли после всего. Не знаю, хочу ли я каких-то отношений...

– Мне подключить детектор? Или сам сознаешься?

– Не надо детектор. Да, с Ингой – большой привет.

– Не получается?

– Нет.

– А что ты делаешь для того, чтобы получилось?

– Ничего. Я не знаю, что делать. Она даже и разговаривать со мной не желает.

– Плохо. Получается, что ты справляешься только с теми задачами, которые не так уж и трудны для тебя.

– Что же мне делать?

– Видишь ли, Юра тебе безразличен, потому ты так легко завоевал над ним власть. Тебе не жизненно важно было устроить его встречу с такими же, как он. А потому ты отнесся к этой задаче, как к игре, как к разминке. А Инга тебе безразлична. Овладеть ею – жизненно важно для тебя. К тому же ты уже потерпел поражение. Это уже не разминка. Написать сценарий – тоже было жизненно важно для тебя. Но там ты при помощи наших сеансов обрел уверенность в себе. В случае с этой особой ты в себе не уверен. Делаем выводы: почему задача кажется тебе невыполнимой? Потому что этот человек безразличен тебе, а значит, сам имеет над тобой власть. Это во-первых. Потому что ты не уверен в себе. Это во-вторых.

– А нельзя сделать так, чтобы я и тут обрел уверенность?

– Каким образом?

– Ну, путем сеансов.

– Нельзя. Понимаешь, написать сценарий ты смог сам, используя свои способности, свой потенциал. В любовных делах ты не имеешь ни способностей, ни потенциала, ты – ноль. Потому что неопытен. Тебе надо приобрести опыт. С более взрослой и опытной женщиной. В то же время связь с такой женщиной отвлечет тебя от этой девчонки, она потеряет для тебя былую значимость. Вот тогда и можно будет действовать. Да и она сама поймет, что уже якобы безразлична тебе. А потому, прими во внимание, эта связь должна быть у нее на виду.

– Но я даже не знаю...

– И я не знаю. Мое дело – задавать задачи, твое – решать их.

Глава 5

...Эрика Ивановна преподавал немецкий язык. Для подростков она была тем, что называется «женщина под 30», то есть женщина еще молодая, но уже не первой свежести, давно распрощавшаяся с той порой бесшабашной юности, в которую только вступали они, пятнадцатилетние. Она не была красавицей. Лицо у нее не то, чтобы страшное, а серое, незаметное, словом, никакое лицо. Да к тому же плотно обсыпанное веснушками, хотя Эрика была не рыжая, а темноволосая. Фигура тоже – не фонтан, какая-то доскообразная. И вот эта Эрика Ивановна стала с некоторых пор как-то странно относиться с Максиму. Посыпались тройки по немецкому. Он, конечно, не мог это терпеть, подошел к ней, чтобы разобраться. Она любезно согласилась позаниматься с ним в свободное время. И велела подойти прямо к ней домой. Видя его удивление, она веско возразила, что в школе шумно, да и помещений свободных нет, словом, полноценных занятий не получится.

И вот в один прекрасный, как говорится, день, он отправился к Эрике Ивановне. Она жила одна в двухкомнатной квартире, которую оставила ей мать, выйдя замуж. Мать надеялась, наверно, что в собственной квартире дочь тоже в девках не засидится, однако время шло, а женихи не появлялись.

Эрика Ивановна встретила Максима в длинном, с легкомысленными рюшками, халате, нелепая яркость которого несколько рассеяла рабочий настрой, с которым он пришел.

– Проходи в комнату, а я пока поставлю чайник, – простибета Эрика и легкими прыжками умчалась в кухню, обдав его необыкновенно сильным и приятным ароматом духов. И эта легкомысленная, порхающая, пахнущая тепло и вкусно женщина являла такой контраст с чопорной, замороженной, неприступной учительницей, что он растерялся.

Эрика Ивановна разрушила сложившийся в воображении Максима образ педагога, заставила его увидеть в учительнице – женщину. Словом, он чувствовал себя так, как чувствовал бы себя на его месте любой мальчик, впервые в жизни оставшийся наедине с женщиной.

– Максим, пожалуйста, помоги! – раздался из кухни ее беззаботный голос. Она вручила ему поднос с пирожками и отправила в спальню, где уже был сервирован чайным сервизом журнальный столик. Тяжелые бордовые шторы были плотно занавешены, из-за чего в комнате стояли красноватые сумерки. Впорхнувшая следом хозяйка дополнила натюрморт двумя рюмками.

– Сейчас мы немного перекусим.

– Эрика Ивановна, спасибо, я пообедал дома.

– Сейчас мы перекусим, а потом займемся немецким. И еще не мешало бы немного расслабиться, а то ты совсем замороженный, бедолага. Тебе что – вино, коньяк?

Он не знал, шутит она, или нет, а потому молчал.

– Слушай, Максим, мы с тобой взрослые люди, так зачем нам лицемерить, притворяться, что я – училка-ханжа, а ты – зеленый школьник, у которого на языке ничего крепче материнского молока не было. О, наши нравы! За границей стереотип «Учитель-ученик» давно разрушен, там ученики ходят в школу в любой одежде, а не в форме, как у нас. Форма обезличивает и не прививает вкус. За границей учительнице не надо притворяться бесполом существом, заходя в класс. И многие проблемы между преподавателем и классом решаются в баре за чашкой пива... Так что тебе – вино или коньяк?

– Коньяк.

Пили за удачу. Потом – за демократию в отношениях между учеником и учителем. Потом – просто за дружбу. Потом – за любовь. Максим пил много, желая преодолеть неловкость, которую продолжал ощущать в ее присутствии, и это ощущение злило его. Повелитель душ не должен пасовать перед женщиной. Коньяк ударил в голову, расслабляющим теплом разлился по телу, однако внутреннее напряжение осталось. Эрика включила кассетный магнитофончик, заиграла какая-то очень популярная музыка, которую он не раз слышал в «Патефоне». Он удивился. Она возразила, что, если она – учитель, то это не значит, что она принадлежит к отсталым слоям населения. Потом она угостила его хорошей сигаретой и закурила сама. А когда он назвал ее по имени-от-

честву, она сказала:

– Мне же не сорок лет, а... чуть за двадцать. Мы оба молоды, так зачем этот официоз! Мы же не в школе. Зови меня просто Эрика.

Короче говоря, Максим изрядно опьянел и впал в то состояние блаженства, которое бывает на начальных стадиях опьянения. Это ощущение любви ко всем, а к собутыльникам особенно. Напряжение перешло в волнение. Медленная композиция торжественными аккордами наполнила комнату, возвышая душу и настраивая на романтический лад. В сгущающихся сумерках вульгарно накрашенное лицо Эрики казалось незнакомым и соблазнительным. Багрово красные влажные губы складывались как для поцелуя, выдыхая сигаретный дым. Халат сполз с одного плеча, обнажив бретельку черного бюстгалтера, однако Эрика казалась настолько поглощенной музыкой, что не замечала этой небрежности. Зато он все замечал, задыхаясь от сладкого запаха ее духов, который казался ему ароматом ее тела. «Как она, оказывается, соблазнительна, черт возьми!» – лениво шевельнулась мысль. И вдруг Максима осенило: вот он, Его Величество Случай, так вовремя предоставленный судьбой!

– Нет! – решительно заявила Эрика. – Под такую музыку надо танцевать!

Он слегка обнял ее талию, она прижалась к нему всем телом, так что и танцевать-то было невозможно, и они просто пьяно раскачивались, прижавшись друг к другу. Ее пле-

что было так близко, что он поцеловал его, не думая, что делает. Она тут же поцеловала его в губы и увлекла на кровать. И хотя он был новичок в любви, ему не пришлось краснеть за свою неопытность перед первой женщиной, поскольку она совершенно не оставила ему простора для инициативы...

* * *

...— Браво! Ты делаешь успехи! Ну, и как эта девочка? Сдалась?

— Нет.

— Нет? В чем же дело? Она знает о вашей связи?

— Конечно, знает! Весь класс об этом знает. Уж я позаботился об этом. На осеннем балу я от Эрики ни на шаг не отходил. Все это видели. Все в шоке.

— Прекрасно! Как реагируют на тебя одноклассницы? Изменилось их отношение к тебе?

— Да. Они с интересом на меня посматривают, шепчутся, стали глазки строить...

— Ну, почему мы о своих победах сообщаем так обреченно?

— Да потому, что она, ради кого это все делается, по-прежнему ко мне равнодушна. Она меня не замечает. А стоит к ней обратиться, смотрит чуть ли не с ненавистью, односложно отвечает и уходит от общения.

— Все ясно. Эту задачу ты не смог решить. Ну, что ж. Не получилось на первой, решим ее на второй ступени.

— Меня повышают на вторую?!

– Да, но – вторая ступень платная. Помнишь, я предупреждала тебя об этом?

– Сколько?

Лилия назвала цену.

– Это много для меня, – Максим облизнул пересохшие губы.

– Макс, мне доставляет удовольствие заниматься с тобой. Но... Здесь не я устанавливаю порядки.

– А кто?

– Виринея.

Глава 6

– Елена Синицына, газета «Свободный курс!» – объявил привратник, распахивая перед растерявшейся от такого приема Леной высокие, украшенные витой резьбой двери. Она шагнула в огромный Белый зал, высокий потолок которого поддерживали толстые колонны, зажмурилась от яркого света тысяч свечей. Вот это да! Чем не торжественный прием в дворянском собрании: и привратник в напудренном парике и шелковой ливрее, должно быть, позаимствованной в театре (Впрочем, зачем в театре? Это же музей, здесь своих таких должно быть в изобилии), и канделябры с мерцающими свечами... Ай, да директриса! Фантазерка и романтик, и вообще колоритная женщина. А вот и она сама: стоит у белого рояля, слушает музицирование одного из приглашенных (ба! Да это же солист театра музкомедии), распустила по плечам пепельные кудри.

– Здравствуйте, Инесса Павловна! Поздравляю вас с открытием вашего любимого детища – этого прекрасного музея.

– Добрый вечер, Леночка! Огромное спасибо за поздравление, но хочу заметить – если бы не вы, пресса, не знаю, удалось бы мне осуществить мой замысел, или нет.

– Удалось бы! Непременно удалось! С вашей-то энергией...

Расшаркавшись с директрисой, Лена обернулась к тому, что давно уже притягивало к себе ее взоры – к длинному, во весь зал, столу, сервированному изысканно, тоже в духе прошлого столетия, и уставленного всевозможными вкусными вещами. Ее внимание также привлекли приглашенные: это были в основном деятели местной культуры – актеры театров, музыканты, писатели и поэты, несколько преподавателей из института культуры и искусства, и, конечно, журналисты всех средств массовой информации, словом, знакомые все лица. Она подошла к стоящему у огромного стрельчатого окна журналисту «Вечернего Барнаула» Вите Оленеву.

– Привет, Леночка! Как тебе это все?

– Впечатляет.

– А мне напоминает пир во время чумы. На фоне массового закрытия библиотек, музеев вдруг открывается этакое чудо. Да еще и с помпой. В стране дефицит красной икры, буженины, зеленого горошка, словом, дефицит всего, насчет спиртного вообще молчу – сухой закон все-таки, а тут...

– Ну, это же для избранных. Инесса хочет прессу задобрить, ей надо, чтобы мы продолжали ее музей раскручивать, поэтому мы не будем завтра отчеты строчить, что там у нее на столе стояло.

– А деятели местной культуры? Они здесь зачем?

– А затем, что музей все-таки искусства, культуры и литературы. Так, кажется, он называется? Все равно – все свои.

– Свои... Я слышал, что этот музей – отмывание денег.

Не было необходимости открывать новый очаг культуры в то время, когда, например, действительно заслуженный краеведческий музей, открытый сто пятьдесят лет назад, в котором, действительно, уникальные экспонаты, влачит жалкое существование! Там штукатурка на головы посетителям сыплется! А здесь даже экспонатов интересных нет! Честное слово – отмывание денег! Вот что вывести бы на чистую воду и о чем написать!

– Прекрати! Тебе не все равно, на чьи деньги гулять? Мне вот все равно – лишь бы не на свои. Кстати, зовут за стол.

Витя и Лена поспешили занять места около блюда с красной рыбой. Когда гости расселись, директриса поднялась и произнесла речь:

– Дорогие мои! Сегодня у нас важное событие – мы празднуем открытие нового музея, нового очага культуры в нашем городе, в нашем крае. До сих пор наш Алтайский край, богатый талантами во всех областях культуры и искусства – достаточно вспомнить актера, режиссера, писателя Василия Макаровича Шукшина, актера Валерия Золотухина, поэта Ивана Жданова, кинорежиссера Ивана Пырьева... Впрочем, имена наших знаменитых земляков можно перечислять долго... Так вот, наш край до сих пор не имел музея, посвященного культуре. И вот эта досадная оплошность исправлена. Теперь у нас есть такой музей. Здесь собраны поистине уникальные фонды многих замечательных людей, оставивших след не только в культуре нашего края, но и в куль-

туре всего мира. Это большое событие и для меня лично – всю жизнь я мечтала об открытии такого музея, я положила на его рождение много сил, энергии, и вот моя мечта сбылась! И я благодарна всем вам, кто поддержал меня! Я благодарна администрации города и края за то, что пошли на встречу, выделили под музей старое, заброшенное здание, которое тем не менее имеет славную историю – здесь в начале девятнадцатого века жил губернатор, здесь проводились дворянские собрания, устраивались театральные и поэтические вечера...

– Ага! Очень славная история, – шепнул Витя. – Губернатор-то, любитель поэзии и театра, в подвалах этого домика пленников истязал, и, говорят, жену свою в этом же подвале сгноил. Поговаривают, что это дом с привидениями.

– Ой, как романтично, – хихикнула Лена.

– ... Я благодарна также за то, что были выделены из бюджета немалые средства на ремонт и восстановление этого памятника архитектуры, на воссоздание интерьера, и вот теперь мы можем созерцать всю эту красоту, приближенную к девятнадцатому веку.

– А что я говорил про отмывание денег? – снова зашептал Витя. – Говорят, отсюда новый линолеум грузовиками вывозили, как не соответствующий духу времени.

– Куда вывозили?

– Кто ж теперь скажет – куда?

– ... Я благодарна деятелям нашей культуры за помощь

в формировании фондов, за то, что мы все теперь будем создавать ауру этого музея – я имею в виду музыкальные, театральные и поэтические вечера, которые наши замечательные музыканты, актеры, поэты согласны проводить безвозмездно, ради повышения культуры населения нашего города и края. Я благодарна журналистам, которые в своих публикациях создавали репутацию музею, подчеркивали значимость его создания, тем самым привлекая к нему общественное мнение. Я благодарна нашим дорогим музейным сотрудникам, которые на своих плечах вынесли все тяготы ремонта, который проводился буквально силами нас самих... Дорогие мои! Самое трудное – позади. Впереди – творчество, впереди – новые открытия и достижения!

Бутылки шампанского выстрелили пробками в потолок, пена с улаждающим слух вкрадчивым шипением заполнила бокалы.

Праздник растянулся на всю ночь. Правда, многие гости удалились. Но многие остались, поскольку очаг культуры находился в мрачной, отдаленной от центра части города, где были разбиты все фонари, по ночам выли бездомные собаки и шныряли подозрительные личности. Некоторые, напившись шампанского, подкрепили впечатление водкой, затем все залили пивом, и, устав, прикорнули на пушистом ковре под белым роялем. Других сон сморил прямо за столом. Музейные сотрудники разбрелись по кабинетам, а директриса удалилась к себе, где провела ночь в комфорте на диване в

гостевой. Свечи догорели, и все покрыл мрак.

Лена долго не спала. Она придвинула к окну кресло прошлого века, стоявшее в зале в качестве экспоната. Не испытывая к исторической ценности никакого почтения, забралась на него с ногами, правда, туфельки предварительно сняла. И, медленно потягивая шампанское, стала с любопытством смотреть в окно на ночной парк. Привести его в цивилизованный вид директриса не успела. И он шумел за окном листвой – дикий, черный, унылый. Наконец сон смотрел ее, она уронила голову на подоконник и... Поспать ей не удалось. Где-то внизу закрипела дверь, на первом этаже раздались медленные гулкие шаги, которые приближались. Кто-то поднялся по лестнице, кто-то вошел в зал. Холодный страх сковал тело журналистки. Она обернулась и увидела женскую фигуру в святящемся белом платье. Лена чувствовала себя, как в кошмаре, когда хочется кричать, но язык не повинуется, хочется бежать, но руки и ноги висят, как парализованные. Дама медленно приблизилась, остановилась возле Лены, пристально глядя ей в лицо. Дама, впрочем, показалась Лене хорошенькой.

– Я здесь живу... тысячу лет. Может, меньше, не знаю. Не пыталась счесть. И вот спустя столько лет сподобилась вновь человеческое лицо лицезреть. Приятно. Особливо когда лицо такое пригожее. Вы женщина легкого поведения?... Почему я так решила? Вы вульгарно накрашены. Платье куцее какое... Вы говорите, что сейчас такая мода? Возможно.

Да и для женщины легкого поведения вы безнадежно устарили... Что – вам только тридцать один? Ничего себе, «только»... Я думала, вы куда моложе... А душа какая у вас... темная. Прощайте, женщина с темной душой и насурьмленными бровями!

Дама повернулась и медленно побрела дальше. Лена обрела возможность думать: «Что это было? Привидение, о котором говорил Витек, или, не дай бог, белая горячка? Пить меньше надо! Все, завязываю! С этой журналистикой сопьешься... Стоп! Я же не разговаривала с ней, а она меня понимала! Это телепатия? Нет, я же решила – это мое пьяное воображение».

Кажется, все встало на свои места: так же темно, так же тихо посапывает головой в салате один из гостей. Однако что это? Да, вот опять... Опять шаги. На этот раз как будто по крыше. Или на чердаке? Нет, они спускаются, они приближаются к Белому залу, кто-то ходит здесь, рядом, но никого не видно. И все-таки темнота живая, в темноте кто-то есть, помимо Лены и спящих...

– Ба! Какая встреча! – прямо перед перепуганной журналисткой нарисовалась фигура женщины в черном. Вся черная: черное, облегающее платье, черные перчатки, черная шляпа с широкими полями... Фигура, почти растворенная в темноте. И на мертвенно-белом лице – смеющийся, широкий, с кроваво-красными губами рот.

– Конечно, мы не знакомы! Я же старше вас лет на...

Впрочем, женщине столько лет, на сколько она выглядит, не так ли? А потому, я думаю, мы примерно одного возраста... Вам лет тридцать шесть, не так ли? Что, вам тридцать один? Ну, милочка, выглядите вы гораздо старше. Еще бы! Так малеваться... Однако ближе к делу. Вы – то, что мне нужно!.. Почему именно вы? Да я же вас насквозь вижу! Мне нужны вы, с вашими страстями, вашими комплексами, вашими мечтами... Не надо стесняться! Вы все равно ничего не сможете скрыть от меня. Вы для меня – как раскрытая книга... Кто я? Я – Княгиня! Отныне мы будем вместе! Я – в вас, с вами, для вас... Что я вижу? Много такого, что люди во все времена называют гадким, но меня это мало волнует... Главное, что я вижу – это желание повелевать, желание, чтобы перед вами преклонялись. Еще я вижу, что вы умна, сластолюбива, любите деньги, а кто их не любит? Любите власть... Но довольно. Я повторяюсь. Вам повезло, милочка, я помогу вам. Вы получите все, что хотите. И даже больше... От вас мне ничего не надо. В чем может нуждаться несчастный призрак, блуждающая душа? Мужчины, любовь, деньги? Мне, бестелесному созданию? Смешно... Нет, милочка, ничего мне не нужно, кроме желания творить добро... Кстати, как вас зовут?... Елена? Фи, как тривиально... Слушайте мой первый совет: измените имя! Отныне вы – не Елена, отныне вы... Виринея!

* * *

Так Лена Синицына стала Виринеей. Разумеется, на утро,

пробудившись то ли от сна, то ли от пьяного забытья, она все увиденное ночью приписала опьянению. Она даже сообщила об этом больному с похмелья Вите:

– Витек, ночью мне снились твои привидения.

– Почему мои?

– Ну, ты же мне рассказывал про них. Вот они мне и приснились.

– Мало выпила. Я вот хорошо набрался, так и спал сном младенца.

Однако в первую же после похмельного дня ночь Лена убедилась, что это был не сон. Стоило ей заснуть, как перед ней вновь предстала Княгиня. Она материализовалась из какого-то мутного тумана. На этот раз она выглядела как живая женщина, даже румянец играл на щеках, и весело смотрела на Лену большими черными глазами.

– Вы, милочка, решили, что я – сон? Ошибаетесь! Я же сказала, от меня вы так просто не отделаетесь. А мне хорошо в вашем мирке, очень уютно. Вот смотрите, сейчас я создам себе мягкое кресло – оп-ля! Здесь, в этом мире, на этот счет просто: захотел – получил. Стоит только захотеть! Стоит только представить! А захочу – у меня в руках окажется веер. Оп! Ну, теперь мне совсем хорошо. Смотрите, я сижу в кресле, обмахиваюсь веером... Но к делу. Завтра вы идете на работу... Я правильно выразилась? В вашем мире все по-другому. А, впрочем, все так же. Те же страсти, стремления... Вы работаете журналистом. Похвально. Вы – образо-

ванная женщина. Так вот. Придя на работу, выделяйте каждый день три часа на то, чтобы писать... Что писать? Я вам продиктую. А теперь – адье!

А работы на другой день было много. Лена спешила закончить одну срочную статью, да тут еще редактор подкинул задание, которое тоже требовало немало подготовки, звонков, беготни... Словом, к концу дня Лена изрядно устала. Взглянув на часы, она удостоверилась, что задерживается на работе на час и, хотя не все, что задумано, сделано, никаких сил ни на творчество, ни на монотонную работу нет. Лена собралась было домой, но, стоило ей взяться за ручку двери, как резкий голос сзади окликнул:

– Куда пошла?

– Кто здесь? – пролепетала Лена, обернувшись. На ее столе сидела давешняя черная женщина и непринужденно болтала ногами.

– На место!

Лену охватил панический страх. Она лихорадочно дернула ручку двери, причем та почему-то не сразу поддалась, ставшими как бы ватными руками с трудом отворила дверь, выбежала в опустевший коридор редакции, захлопнула дверь и, облегченно вздохнув, бросилась бежать. Длинный коридор наконец кончился, завернул и уперся в лестницу. Но стоило Лене ступить на первую ступень, как она увидела черную даму, поднимавшуюся навстречу ей.

– Куда пошла? – прошипела дама, загоразивая руками в

черных перчатках проход, как будто Лена могла попытаться проскользнуть мимо. Куда там! Обезумевшая от страха, она попятилась, и чуть не упала, оступившись. Как назло, редакция опустела, никто не мог прийти ей на помощь, никто не мог спугнуть привидение.

– Повторяю, не надо меня бояться, – усталым голосом сказало привидение, – я хочу вам только добра, и вы сами убедитесь в этом. Уверяю вас, мы можем очень даже замечательно сосуществовать, только расслабьтесь и получите удовольствие от нашего общения. Ну, как, согласны?

Видя, что призрак не причиняет ей никакого зла, Лена справилась со своим волнением. «Ну, спятила, ну, что теперь... – подумала она. – Главное, чтобы никто об этом не узнал».

– Ну, вы не совсем правы насчет того, что спятили, – тут же откликнулась дама. – Но ход ваших мыслей мне начинает нравиться.

– Кто вы? – спросила Лена. И сама испугалась своего голоса: он прозвучал в пустом коридоре гулко, и даже эхо как будто повторило его. Лена съежилась.

– А вам не обязательно говорить вслух, я вас и так прекрасно понимаю... Я вам уже говорила, кто я, но могу и повторить, я – Княгиня.

– Что я должна делать?

– Наконец-то слышу разумную речь! Во-первых, мадемуазель, вы должны меня беспрекословно слушаться. Во-вто-

рых, вы должны вернуться в свой кабинет и писать то, что я вам продиктую.

– Я очень устала. Я еле передвигаю ноги.

– Я наблюдала за вами – у вас очень напряженная работа. Вы теперь всегда будете уставшая. Но надо работать. Это для вашего же блага. Если вы не преодолеете усталость, вы навсегда останетесь ломовой лошадью журналистики. Я же предлагаю вам стать королевой. Но для этого надо сначала как следует потрудиться. Скоро вы будете пожинать плоды своих трудов, скоро – отдых, а там и вечный покой. Словом, все будет хорошо.

Лена, как зомби, вошла в свой кабинет. Княгиня вновь уселась за стол, покачивая ногами.

– Подойдите к шкафчику... да-да, к этому, откройте нижнюю дверцу... там коньяк, достаньте его и выпейте рюмочки две.

– И правда, коньяк. Начатый. Ну, Зоя Федоровна... Кто бы мог подумать... Но позвольте, это же чужой коньяк!

– Уверяю вас, Зоя Федоровна ничего не заметит. А вам следует подкрепиться. Вы действительно неважно себя чувствуете, а мне важно, чтобы то, что я вам продиктую, несло заряд сильной энергетики. Сама-то я, к сожалению, уже не могу ничего передавать, только мысли...

Не без удовольствия Лена налила коньяк в стакан, выпила залпом и закусила долькой засохшего лимона, который отыскался тут же. «В конце концов, я тут ни причем, у меня

теперь навязчивый бред».

Она уселась за автоматическую пишущую машинку, вставила несколько чистых листов бумаги.

– Ну-с, что писать будем? Эй, вы где?

– Я уже в вашей головке, милочка. Вы хорошо меня слышите? Ну, тогда пишите. Итак:

«Двадцать ступеней, чтобы обрести рай в душе.

Двадцать ступеней, чтобы стать Богом.

Рай не в небесах, рай – в твоей душе, стоит только пройти двадцать магических ступеней...»

Глава 7

Через месяц труд был завершен. За это время Лена очень изменилась внешне: взгляд ее стал лихорадочным, лицо осунулось, под глазами залегли темные тени. Она весь месяц не принадлежала себе: днем автоматически выполняла свои журналистские обязанности, затем, когда редакция пустела, строчила то, что диктовала ей Княгиня, которая прочно обосновалась в ее голове. Поздно вечером она плелась домой выжатая, как лимон, падала в постель и засыпала мертвым сном. Утром все повторялось сначала: просыпалась уже уставшая, жевала без аппетита завтрак, плелась на работу и – так день за днем. Силы свои Лена подкрепляла спиртным, а потому постоянно находилась в состоянии подпития.

Как-то раз ее вызвал редактор:

– Лена, я ценю вас, как способного журналиста, но... Ваши статьи, обычно такие самобытные, теперь стали... ну, не из рук вон плохи, конечно, вы – профессионал, вы плохо писать не можете, но... какие-то механические, что ли. И я знаю причину. В коллективе стали обращать внимание на то, что вы постоянно, так сказать, навеселе.

– Это мое личное дело.

– Согласен, но – в свободное от работы время. А на работе, будьте добры...

– Сергей Иванович, я что – плохо выполняю свои обязан-

ности? Вас не устраивают мои статьи?

– Да нет, все нормально, но...

– Ну, так и оставьте меня в покое.

– Лена, вы грубите!

– Сергей Иванович, уволить вы меня сейчас не можете – я готовлю материал о главе городской администрации. А как только закончу – уволюсь сама.

– Да вы с ума сошли! Я вовсе не хочу, чтобы вы увольнялись! Вы – одна из лучших наших журналистов! Если вы поняли мои отеческие наставления, как намек, то вы очень ошиблись!

– Я поняла вас, как надо. Но я действительно решила уволиться. И вы тут ни при чем.

– Куда же вы пойдете? В «Вечерний Барнаул»?

– Нет. Я решила совсем завязать с журналистикой.

– Вы меня удивляете! Чем же вы займетесь?

– Скоро узнаете...

Скоро об этом узнал весь город. Лена истратила все свои сбережения, которые копила на поездку к морю, на то, чтобы издать свой труд. А когда он был издан, она подготовила грандиозную презентацию. На презентацию был приглашен весь журналистский бомонд. Мероприятие происходило в театре. На то, чтобы арендовать зал, пошли золотые часы и бриллиантовые сережки покойной матери. Но Лене хотелось, чтобы это был именно театр, а не библиотека, и не кафе, где обычно проводили презентации местные литерато-

ры. Сейчас перед глазами собравшихся предстанет зрелище – театр одного актера, где она будет играть, представлять, лицедействовать. Лена прошла по сцене, раздвинула тяжелый занавес, выглянула в щелку. Зал почти полон: здесь и журналисты, и писатели, и другие деятели культуры и искусства их города. Взгляд выхватывает из толпы знакомые лица, но много и незнакомых... Все заинтригованы, шепчутся, ждут. «Ждите, ждите, – подумала Лена. – Вы не будете разочарованы». «Браво, детка, – в голове отчетливо прозвучал голос Княгини, – Ты почти не волнуешься, это похвально. Не волнуйся! Я – с тобой!» Лена вернулась за кулисы, сделала знак, чтобы начинали, и – свет в зале погас, занавес раздвинулся, и на ярко освещенную сцену вышла – не Лена Синицына, Вириная. Да, именно тогда Лена предстала перед публикой как Вириная. На ней было восточное одеяние, полупрозрачное, кроваво-красное. Так посоветовала ей нарядиться Княгиня. Это она описала фасон роскошного одеяния, которое видела на знатных женщинах Востока, а местное ателье смогло материализовать их фантазии.

– Я – Вириная! – крикнула бывшая журналистка в зал, где поспешно загорелись огоньки камер, направленных на нее. – Я получила откровение, которое изложено здесь! – Она подняла руку с книгой. – Вы хотите знать, как разбогатеть? Вы хотите знать, как получить власть над людьми? Ну, на первых порах если не над всем миром, то хотя бы над женой, мужем? Над коллегами? Над начальством? Я, Вириная, все

расскажу вам! Я перед вами совершенно открыта! Вот, смотрите...

Она начала раздеваться. Легкое движение – и бюстгальтер, скользя по спине, падает на пол, еще один неуловимый жест – и юбка мягко сползает по обнаженным ногам.

– Посмотрите – я перед вами совершенно открыта, я – обнажена перед вами. Я – правда! А правда всегда – голая. Так и мое учение!

Виринея чувствовала необъяснимый кураж. Она не видела зала, она парила над ним. Обнажилась она потому, что знала – пресса падка на скандал. В то же время она хорошо понимала, что одной обнаженкой никого не удивишь. Ну, поудивляются, и скажут, что Ленка Синицына с ума сошла. Но они с Княгиней все продумали. Новое учение может привлечь к себе только через чудеса. Достаточно вспомнить Иисуса Христа. Прежде чем проповедовать, он поразил всех чудесами. Классика... Конечно, Виринея – не Иисус, но кое-что и она может. Разумеется, с помощью Княгини.

– Я знаю, что все вы – люди образованные, словам вы не верите. Извольте, готова доказать... Аркадий Семенович, – обратилась она к лысому мужчине, сидевшему на первом ряду и с усмешкой глядевшему на нее, скрестив руки. При этом еще несколько секунд назад она понятия не имела, что его зовут Аркадий Семенович. Ай да Княгиня – помогает... – У вас, Аркадий Семенович, в кошельке пятьдесят рублей двадцать копеек и фотография жены Людмилы.

Аркадий Семенович покраснел, поспешно вытащил кошелек, расстегнул дрожащими руками, вытряхнул мелочь и пересчитал. Объективы камеры тут же нацелились на содержимое его кошелька.

– Точно! Все правильно! – изрек он растерянно. – Что это – фокус? Но – каким образом...

Зал заволновался.

– Дешевый трюк! – закричал молоденький журналист, только что строчивший в блокноте.

– А у вас, Сережа, в кошельке только пять рублей пять копеек. А в блокноте на третьей странице, между записями с заседания городской администрации и и репортажем соревнования по баскетболу, номер телефона одной вашей знакомой – сорок три, пятьдесят, шестьдесят восемь.

Сережа достал кошелек, пересчитал. Обернулся к залу и закричал:

– Все так и есть! И телефон угадан правильно! Я заявляю, что это – действительно феномен, потому что я – не подставной!

Зал бурлил. Вириная спустилась в зал, медленно пошла в проходе между рядами. Краем глаза она замечала взгляды, устремленные на нее сверху вниз. Разные взгляды: удивленные, неприязненные – со стороны женщин, восхищенные, растерянные, плотоядные – со стороны мужчин. Вириная остановилась около Инессы Павловны. Директриса музея выглядела совершенно потрясенной, вместе с тем чув-

ствовалось, что весь этот скандал доставляет ей удовольствие.

– Инесса Павловна!

– Да, Леночка?

– В вашей сумочке лежит полученное вами письмо из Москвы.

– Да, совершенно верно, – пробормотала Инесса Павловна, торопливо извлекая из сумочки конверт. – Я его еще не читала.

– О! Это очень приятное письмо – вас приглашают на специализацию в Москву на две недели.

Инесса Павловна тут же вскрыла конверт, бегло просмотрела письмо и громко провозгласила:

– Все так и есть! Леночка, – обратилась она к Виринее. – Пожалуйста, три экземпляра вашей книги – в фонд нашего музея.

– Непременно! – милостиво кивнула головой Вириней и обратилась к оператору, следовавшему за ней по пятам с нацеленным на нее объективом камеры: – Эдуард, а у вас вчера произошло событие, которое произвело на вас странное впечатление. Вообразите! – обратилась она к залу. – Эдуард подхалтуривает, снимая свадьбы. Так вот, вчера, просматривая пленку, он обнаружил рядом с невестой силуэт ее покойного отца. Пока он соображал, сообщать невесте или нет об этом факте, силуэт исчез. Эдуард решил было, что ему показалось. Нет! Не показалось!

Эдуард растерянно опустил камеру, вид у него был смешной и глупый.

После сеанса тираж книги разошелся влет. Люди ломанулись к столику, на котором были разложены книги. Пожилая продавщица только успевала принимать деньги.

На следующий день в газетах появились статьи с заманчивыми названиями: «Голая правда», «Трюк или откровение», «Библейские чудеса сегодня». Прелести бывшей Лены Синицыной были растиражированы по всем местным новостям. Так она стала общественным достоянием. И больше не принадлежала себе.

Не замедлили появиться первые ученики, которые ходили за ней, ловили каждое ее слово, конспектировали каждое высказывание, толковали каждую фразу. Виринея сняла комнату в Доме культуры, где начала практиковать. Число учеников росло. Среди них оказались и весьма состоятельные, которые изрядно платили за каждую ступень посвящения. Тратат ее был позднее переиздан, но уже не на ее деньги. Как водится, появился и мужчина. Он любезно взял на себя все финансовые дела, назвался святым Серафимом, и они зажили в свое удовольствие.

...Виринея в алом пеньюаре лежала на широком ложе. Вокруг нее благоухали сандаловые свечи. Рядом лежал высокий смуглый Серафим.

– Солнышко мое, еще вина?

– Пожалуй.

Серафим поспешно налил в высокий бокал темную бордовую жидкость. Виринея медленно пила тягучее пряное вино. «Ну, что? – зашевелился в голове знакомый голос. – Я была права? Ты отдыхаешь, рядом с тобой мужчина твоей мечты, у тебя есть все: деньги, известность, ученики, тебе поклоняются, как божеству». Зазвенел телефон. Это оказалась Лилия.

– Виринея, я не отвлекла вас?

– Что там?

– Есть интересный экземплярчик.

– Чем интересный?

– Молод – лет шестнадцать, симпатичен, страшно самолюбив, тщеславен, честолюбив. Способный ужасно, схватывает на лету.

– Ну?

– Первую ступень как бы прошел, а на вторую у него нет денег.

– Ну и что?

– Да так, жалко. Очень способный.

– У нас не благотворительное общество.

– И все-таки, может, посмотрите?

– Зачем?

– Может, сделать из него ясновидящего? Ведь вашему учению не помешают яркие и талантливые адепты. Это хорошая реклама.

– Вижу, что он зацепил вас. Ладно, посмотрю. Присылайте

его завтра сюда.

* * *

На следующий день Максим, с замиранием сердца стоял под дверями таинственной Виринеи. Дверь как дверь, металлическая, черная, этакий бункер. Кто бы мог подумать, что там, за этой неприступной дверью живет святая?

Долго не мог решиться позвонить. Их встреча – очень важна для него. От нее зависит, возможно, вся его судьба. Если она отмахнется, он пропал, если заинтересуется, поможет – он пан. Да, именно, так – или пан, или пропал. Неизвестно, сколько бы он стоял под дверью, то поднося дрожащую руку к звонку, то отдергивая, если бы не шаги с верхнего этажа. Кто-то спускался по лестнице. Это решило дело – Максим позвонил. Не успел он как следует испугаться своей решимости, как стукнул замок, дверь отворилась. На пороге стоял высокий красивый мужчина с огненно-черными глазами и сосредоточенно сдвинутыми бровями. Он кутался в длинный махровый халат малахитово-зеленого цвета с живописными кистями, этакий турецкий паша. «Серафим», – сообразил Максим.

– Здравствуйте. Мне к Виринее.

Серафим кивнул, поманил за собой, провел через темный коридор, остановился у прикрытой двери. Почтительно распахнул ее перед Максимом, снова кивнул. Максим зажмурился и сделал шаг вперед. Дверь за ним закрылась. Открыв глаза, он увидел совершенно темную комнату, в которую не

проникал луч света. Свет, впрочем, был – он переливался то багровым, то синим, то желтым, словом, всеми цветами радуги, а источником его оказался ночник причудливой формы, стоящий на низком журнальном столике. Кроме столика, обращала на себя внимание широкая кровать с высокими подушками. На кровати полулежала-полусидела женщина лет тридцати пяти с черными длинными волосами, чуть раскосыми глазами сфинкса. Красивая. Из одежды на ней был полупрозрачный розовый пеньюар с глубоким декольте, обрамленным кружевами, которые она постоянно теребила, отчего взгляд поневоле привлекался к едва прикрытой груди. Поскольку Максим молчал, придавленный таинственностью и необычностью обстановки, заговорила хозяйка:

– Макс Ларионов?

– Да.

– Присаживайтесь, Макс, – повелительный жест на низкий пуфик, присев на который, Максим оказался у ног Виринеи, и принужден был смотреть на нее снизу вверх.

– Мне порекомендовала встретиться с вами Лилия, ваш Учитель. Она довольна вами и это очень похвально. Она попросила сделать вам поблажку – разрешить пройти вторую ступень бесплатно. Но у нас так не принято. Да и вообще в мире так не принято – за все надо платить. Таков закон. А если не платишь, это должно насторожить – помните, где бывает бесплатный сыр? Ну, то-то. И чем значимее услуга, тем выше цена. А, проходя наши ступени, человек приобретает

ни с чем не сравнимые знания. Впрочем, я могу пойти на встречу, но я должна знать, что поблажку получает достойный человек. Итак, несколько вопросов... Сколько вам лет?

– Шестнадцать.

– Что вас привело к нам?

Максим сбивчиво рассказал все с самого начала – и как попал к Лилии, и о первых результатах семинаров, и о том, что никак не удастся ему взять верх над одноклассницей, и что он закончил первую ступень, а на вторую денег нет... И замолчал, ожидая приговора. Вириная терпеливо слушала его. «Не так интересен, – сделала вывод, – не понимаю, чего Лилия носится с ним – обыкновенный подросток. Я в его возрасте была интереснее, впрочем, как и все девочки. Мальчики все-таки примитивнее. Не то воображение, не тот размах».

– У вас все?

– Все! – как на духу, выпалил Максим.

– Послушайте, зачем вам вообще вторая ступень?

– Как? А одноклассница?

– Фи, как примитивно... По-вашему, наше учение – для того, чтобы соблазнять одноклассниц? В таком случае, вы не туда попали, молодой человек. У нас не школа соблазнения.

– Ну почему?... Просто эта одноклассница...

– Мы не гарантируем, что, пройдя вторую ступень, вы соблазните одноклассницу. Так что, может быть, расстанемся? И каждый пойдет своим путем: мы – совершенствоваться

дальше, вы – зализывать любовные раны.

«Это кто пойдет совершенствоваться дальше? – раздался в голове Виринеи знакомый насмешливый голос. – Это ты-то пойдешь совершенствоваться дальше? Ты? Жалкая женщина... Посмотри на себя – ты спиваешься, ты прожить не можешь без коньяка. К концу дня ты почти лыка не вяжешь. Да, вот на таком мужицком языке приходится изъясняться мне, Княгине, но, возможно, тебе, с твоим развитием, более понятен именно такой язык. Ты зарастаешь жиром от безделья. В чем совершенствуешься ты, целыми днями валяясь в постели? Уж не в науке ли страсти нежной с этим подонком Серафимом? Ты учишь других распознавать людей, как же ты не могла распознать этого человека? Запомни, этот Максим – мой настоящий ученик, возможно, более настоящий, чем ты. Библия права – хуже всего быть теплым. А этот – он готов на все ради того, во что он верит, он будет готов на все ради тебя, а в итоге – ради меня! А вот ты не на все готова... Вот мое последнее слово – пусть другие учатся за деньги, но таких ты должна уметь распознавать и, будь добра, учи их бесплатно!»

– Нет, не отталкивайте меня, – лепетал тем временем Максим, – Вы ошибаетесь насчет меня! Позвольте мне учиться дальше, вы увидите, я не разочарую вас!

Он упал на колени. И тут произошло чудо – Виринея с изменившимся лицом – растерянным, даже каким-то испуганным – соскочила с кровати, поспешно подняла его.

– Конечно, конечно, мой мальчик, ты будешь учиться!

– Правда?

– Правда!

– Без денег?

– Конечно, без денег! Ты будешь моим личным учеником!

– О, огромное, огромное спасибо! Я потом обязательно заплачу! Вот увидите!

– Ничего не надо, ничего...

– Но почему? Почему вы так резко передумали?

– Это воля Княгини... Княгини... А теперь иди!

– Когда мне придти на учебу?

– Лилия скажет тебе...

Максим выбежал из комнаты и сразу наткнулся на Серафима. Тот, цепко стиснув ему локоть, поспешно довел до входных дверей и выставил наружу.

«Странно, – подумал Максим уже на улице, когда к нему вернулась способность оценивать ситуацию. – Когда Вирина кинулась меня поднимать, от нее явственно пахло перегаром. А Серафим явно подслушивал... Ладно, мне что за дело? Главное, денег брать не будут... пока».

Однако Максим рано радовался. Стоило Серафиму закрыть за ним дверь, как он ворвался в комнату к Вириной. Та сидела на кровати поникшая и трясущейся рукой налиwała в стопку коньяк. Давно она не слышала голоса Княгини и в тайне надеялась, что та наконец оставила ее. Она стала обретать мир в душе и подумывала уже о том, что хорошо бы

бросить пить, выйти замуж за Серафима и родить ребенка. Роль мессии стала обременять ее: надоело носить маску таинственности, сидеть в темной комнате и разговаривать замогильным голосом. С тоской Лена Синицына вспоминала шумную редакцию, коллег-журналистов, веселую суматоху перед выходом очередного номера... И вот опять этот властный ненавистный голос! Скорее выпить – и забыться. Но нет, по-видимому, все сговорились сегодня досаждать ей! В комнату ворвался Серафим.

– Я все слышал!

– Что – все?

– Я слышал твой разговор с этим сопляком! Весь, от начала до конца!

– Подслушиваешь? Как низко ты пал.

– Слушай, цыпочка! – Серафим стиснул ее локоть. – Да если бы не я – ты бы с голоду подохла! Ты бы так и учила всех – бесплатно! Да кто ты такая вообще? Ты – блажная! За то, что на тебе эти тряпки, за то, что ты дорогой коньяк жрешь с самого утра, и за многое другое ты меня, тварь, благодарить должна! А ты уже перед этим сопляком растаяла, учить его бесплатно вздумала! Чему, интересно? Может, нового приятеля завести захотела? Давай! Только в таком случае наши дорожки – врозь!

– Ну и уматывай! – закричала Вириная. – Кто ты без меня?! Спасибо, конечно, что некоторое время ты любезно выполнял обязанности моего эконома и альфонса по совмести-

тельству, но...

– А ты уверена, что денежки у тебя останутся?

– Что – у меня? – Виринея не ожидала такого поворота.

– Ты уверена, что деньги останутся у тебя?

– Не поняла... – И в этот же момент она все поняла. – Дак, выходит, ты деньги клал в банк на свое имя?!

– «На свое имя»! – передразнил он ее. – Дошло, наконец! Ну, а на чье же? На твое? Чтобы в один прекрасный день услышать от тебя эти слова? Но я дальновиднее оказался, я все предусмотрел. В отличие от тебя! Все! Я уйду! – Серафим жестом фокусника вытащил откуда-то чемодан. – Жить с тобой невозможно – ты вечно пьяная, блаженная, ты стала просто размазня какая-то – целыми днями валяешься на постели и сосешь коньяк!

– Нет, подожди! Неужели ты вот просто так возьмешь и уйдешь?

– Конечно!

– Нет, не уходи! Я не пущу тебя! – Виринея бросилась на пол, обхватила его ноги. – Я не отпущу тебя!

– Чем же ты сможешь меня удержать? Своей молодостью? Но ты далеко не первой свежести... Может быть, своей красотой? Но есть и красивее тебя! Так чем? Чем? Может, деньгами? Так денежки-то твои – на моем счете!

– Коля, не уходи! У меня же больше ничего нет, кроме тебя! Была любимая работа, друзья... И ничего этого нет!

– Жалуешься, значит, вместо того, чтобы проклинать... А

я думал, что ты будешь бить меня по лицу, обзывать обманщиком и подонком!

– Значит, вот какие у нас с тобой отношения... Деньги, деньги... В таком случае лучше бы их не было, тогда бы я знала, что меня любят ради меня самой... Хорошо! Раз у нас такой деловой разговор пошел, будем договариваться: останься! Если ты так любишь деньги, я для тебя еще больше заработаю!

– Ты говоришь со мной так, как будто ты – проститутка, а я твой сутенер. Но я не сентиментальный, сутенер так сутенер. Значит, еще больше денег? Хм, сомневаюсь! Ты же собралась бесплатно всех учить!

– Ничего я не собралась! Это минутная слабость, ну, пожалела мальчика... Но если ты против...

– Конечно, против! Если бы не я, ты, дурочка, давно по миру бы пошла! Бесплатно учить... Да такое только в бреду придумать можно... В общем, так – звони Лилии и говори... ну, все, что надо!

– И ты, правда, не уйдешь?

– Ну, посмотрю на твое поведение...

Виринея сняла трубку телефона, набрала номер:

– Лилия, я насчет этого давешнего мальчика... Да, был только что. И мне кажется, что вы переоценили его... Да, вы правильно поняли – бесплатно мы его учить не будем. Хочет учиться – пусть платит!

На другой день Максим в самом радужном настроении на-

брал телефон Лилии.

– Лилия! Это я, Максим! Так что, когда учеба? Я был у Вириinei – все нормально!

– Нормально, говоришь?.. Макс, приходи, поговорим.

Максим тут же почти бегом направился в ДК.

Он застал Лилию с незнакомцем примерно одного с ним возраста. Русые волосы до плеч, пронзительный взгляд голубых глаз. Он поприветствовал Максима наклоном головы, на некоторое время задержал на нем свой странный взгляд. Максим торопливо кивнул в ответ, но легкая гримаса на его лице говорила о том, что он не рад постороннему. Однако Лилия, казалось, не замечала его недовольства.

– А, Макс! Здравствуй, здравствуй! Познакомьтесь, – обратилась она к голубоглазому, – это Максим, мой ученик, только что завершил первую ступень... А это Арсений, наш новый Брат. Очень, очень многообещающий. Если бы нам побольше таких учеников, как вы, мальчики, наше учение стало бы очень авторитетным, к нам примыкало бы все больше сторонников, и в недалеком времени все человечество стало бы совершенным.

– Мне пора, – сказал Арсений, искоса поглядывая на Максима. – Рад был познакомиться с вами, надеюсь, мы еще встретимся.

Когда он вышел, Максим тут же засыпал Лилию вопросами:

– Ну, что ты мне скажешь? Когда учеба? Ты уже разгова-

ривала с Виринеей?

– Да, разговаривала. Но сначала мне бы хотелось услышать, что она сказала тебе. Ты говоришь, она разрешила тебе заниматься бесплатно?

– Да! Правда, сначала она отказала, а потом у нее как-то резко изменилось настроение, и она согласилась.

– В таком случае потом она опять раздумала.

– Не может быть!

– Ну, что делать... Раздумала! Мне очень жаль, но вторую ступень тебе придется проходить за деньги.

– Это какое-то недоразумение! Давайте позвоним ей!

– Нет. Никуда мы звонить не будем.

– В таком случае я вам не верю! Она же святая! Она не может взять назад свое слово! Дайте мне ее номер, я сам позвоню ей!

– Успокойся, и давай договоримся: истерик мы устраивать не будем и никуда звонить – тоже.

– Ах, так? Ладно, звонить мы не будем, но я пойду к ее квартире, я буду стучать, требовать, чтобы меня к ней пустили, если не пустят, я буду кричать под окнами, я устрою скандал! Но я добьюсь, что она узнает все, все, что ее обманывают!

– Ты, значит, думаешь, что я, твой Учитель, обманываю тебя? Хорошо, я звоню ей, хотя бы потому, что мне не хочется быть крайней во всей этой истории.

Лилия набрала номер, через некоторое время она загово-

рила, явно волнуясь:

– Виринея? Это Лилия... У меня сейчас Максим Ларионов, ну, тот ученик, которого я посылала к вам. Дело в том, что он не верит, что вы отказали ему в бесплатных занятиях. И самое обидное, что он обвиняет в этом меня... Нет, Виринея, простите, но я хотела бы сохранить лицо перед своими учениками. И прошу вас лично сообщить ему о вашем отказе... – Она протянула трубку Максиму.

– Да! – крикнул он в трубку.

– Максим, – раздался знакомый чуть хрипловатый голос. – Смирись! Ты не достоин заниматься бесплатно. Это приказ... Княгини.

Короткие гудки.

– Теперь ты понял, что я тебя не обманываю? – спросила Лилия.

– Лучше бы обманывала... – горестно возразил Максим. – Ну, как же это? То Княгиня велит заниматься со мной, то не велит... Что за Княгиня такая? Что за Виринея? Разве святые могут так себя вести?

Глава 8

После того, как занятия закончились, жизнь для Максима потеряла смысл. Он привык три раза в неделю посещать Лилию. Вечером, накануне каждого посещения, он засыпал в радостном предвкушении, утром просыпался счастливым оттого, что сегодня во время сеанса он узнает что-то новое о мире, о себе, о людях, откроет в своей душе неведомые океаны, темные бездны подсознания, куда так хочется, за-
жмурившись, нырнуть... После каждого сеанса он чувствовал себя более уверенным, более сильным, более спокойным. В душе воцарялись счастье и умиротворение. И вдруг – такой облом!

Первое время Максим бодрился, настраивал себя на негатив по отношению к Лилии, к Виринее, к неведомой Княгине, проще говоря, проклинал всю эту компанию на чем свет стоит. Он пытался с головой уйти в дискотечную жизнь. Однако жизнь эта – еще недавно такая желанная, недостижимая, стала приедаться. Дальше – хуже. С беспокойством Максим заметил, что в его душе происходят как будто духовные ломки от отмены занятий, подобно тому как наркомана корежит без дозы. Мозг требовал гипнотических сеансов, как допинга.

У Максима появился страх одиночества. Он стремился всегда находиться в обществе – дискотечников, Эрики, сест-

ры, бабушки. Не помогло. Больше того, люди стали раздражать его. Хотелось укрыться в своей тоске, как в скорлупе. Тогда он перестал ходить в дискотеку, к Эрике, к друзьям. После школы сидел дома, закрывшись в своей комнате.

– Макс, что ты целыми днями делаешь у себя? – как-то раз спросила Женя.

– Сплю, – равнодушно ответил он.

Она удивленно взглянула на него. А он действительно спал. Ему снились красочные, яркие сны. Во сне он жил – то парил над землей в виде орла, и, словно наяву, радостно переживал ощущение полета – простор бескрайних небес, упругую воздушную струю под распростертыми крыльями, чувство безграничной свободы... То он представлял себя царем: его окружала восточная роскошь дворца, мановением руки он посылал безропотные полки в бой, на смерть, вокруг него увивались одалиски – все похожие на Ингу, чувственные, с жаркими обнаженными телами... Да, вот это была настоящая жизнь. А проснувшись, он готов был выть от тоски и безысходности. Однако целые сутки не проспав. Тогда Максим пошел на хитрость: он стал вытаскивать у бабушки снотворные таблетки, выпивал несколько – и спал, спал, спал. Разумеется, бабушка забеспокоилась. Пришлось соврать, что у него бессонница: всю ночь глаз не может сомкнуть, а днем, понятное дело, сонливость. Бабушка заявила, что это на нервной почве и стала давать ему успокоительные. То, что количество таблеток уменьшилось, она не заме-

тила.

И однажды, проснувшись, как обычно, в дурном настроении, он подумал: «А не выпить ли мне столько снотворного, чтобы заснуть и уже никогда-никогда не просыпаться?» И эта мысль показалась ему необычайно соблазнительной. Дома как раз никого не было – бабушка и Женя ушли в кино. Максим вытащил аптечку, выгреб оттуда все снотворные таблетки, и, запивая водой, проглотил около десятка. Бумажки выбросил в мусорное ведро, вернулся в свою комнату, накрылся с головой пледом, свернулся калачиком – и почувствовал себя таким беззащитным в этом огромном мире, словно он птенец – слабый, голый и слепой, вернувшийся калачиком в хрупкой скорлупе – его защите. Максим закрыл глаза – и провалился в сон.

...Проснулся он оттого, что бабушка трясла его за плечо и встревожено повторяла:

– Максим, ты выпил все таблетки?

– Что? – пролепетал он заплетающимся языком.

– Ты что – выпил все таблетки? Снотворные! Я в мусорном ведре нашла пустые упаковки!

– Ну, выпил, – промямлил Максим, решив, что отпираться бесполезно. Тоже – конспиратор: если бы он уничтожил бумажки, бабушка решила бы, что он уже лег спать – и не потревожила бы его. Тогда он уже наверняка не проснулся бы. А так – приходится врать, изворачиваться, при этом так хочется спать... Язык еле шевелится во рту и веки тяжелые.

– У меня бессонница, – лепетал он. Вспыхнул электрический свет, бабушка наклонилась над ним. Рядом стояла, сжавшись от страха, Женя и переводила недоумевающий взгляд с брата на бабушку.

– Все ясно! – заявила бабушка дрожащим голосом. – Он отравился! Максимушка, зачем ты сделал это? Разве тебе плохо живется?! А как же мы с Женей?

Женя все поняла и заплакала.

– Не ревь! – взяла себя в руки бабушка. – Неси тазик и чайник с кипяченой водой. Будешь ему желудок промывать. А я вызову скорую.

Женя вытерла слезы, убежала, тут же вернулась, поставила около кровати тазик и налила из чайника воды в стакан.

– Пей!

– Не буду! И вообще – оставьте меня в покое! Дайте помереть спокойно!

– Да ты что?! – закричала Женя и опять заплакала. – Макс, что случилось?

Видеть слезы любимых людей было, конечно, невыносимо, и Максим размяк – выпил воды, склонился над тазом. Скоро приехала скорая, его подхватили подмышки и, поскольку ноги заплетались и не слушались, поволокли в машину.

Не прошло и часа, а он уже лежал под капельницей.

Пробуждение было страшным. Никакое похмелье не шло в сравнение с тем, что он ощущал после отравления. Он за-

стонал и отвернулся. Неужели жив останется? Тем не менее пробуждение состоялось. Возле его постели кто-то вполголоса разговаривал:

– Кажись, очнулся.

– Оклемается, молодой еще.

– Говорят, самоубийца.

– Да ну! Токсикоман.

– Это еще что?

– Это который таблетками догоняется. Что поделаешь – сухой закон, водяры не достанешь, вот ихний брат и жрет дурь всякую.

– Эт точно – не достанешь. Я, Михалыч, за ней, за родимой, за два часа очередь занимаю. Ну, в час окошко в нашем магазине открывается, так я в одиннадцать уже на посту. А иначе бесполезно – уже за полчаса народу столько собирается, что становится ясно – на всех не хватит. Ну, и как водится – без драки никак. Хоть и милиция дежурит, разнимает, все равно все перемашутся. После того, как мне зуб выбили, решил плюнуть на это дело и перейти на технический спирт. Благо шофером работаю, этого добра у нас навалом.

– Да ты везучий, Колян. Технический спирт – это поджентльменски.

– Ага... Только вот я сюда из-за него и попал.

– Ишь ты... Перепил поди.

– Спирт бодяжный попался.

– А! Ну, все равно, тебе позавидовать можно. Я вообще

всякую дрянь жру. Раньше, пока тройной одеколон еще продавали, его употреблял. А как и одеколон из магазинов пропал – перешел на стеклоочиститель.

– Ну, эт ты, Михалыч, слишком.

– Да прям! До сих пор с рук сходило – у меня, вишь ли, желудок луженый. Но, видно, и желудок не выдержал, раз я сюда угодил.

Максим повернулся, чтобы посмотреть на этих отъявленных алкоголиков. На двух соседних кроватях сидели два мужика лет пятидесяти в трико и майках.

– Что, оклемался? – спросил один из них, широко улыбаясь. – Мы, сынок, переживали за тебя. Жалко, если б помер, молодой еще. Жить да жить.

– Ты это – таблетками-то сильно не увлекайся, надо догнаться – лучше пей, оно как-то здоровее.

Максим перевел взгляд – и ахнул:

– Ой! Негр! Иностранец!

В самом деле, на кровати, которая стояла чуть поодаль, лежал под капельницей человек с темно-коричневой кожей. Мужики загоготали.

– Да нет, это не негр, – просмеявшись, сказал один, – это тоже отравленный, краски напился, морилки.

Два дня Максим пролежал в токсикологическом отделении с жертвами сухого закона.

И вот он дома. Еще слаб, лежит на своем диване, закутавшись в уютный клетчатый плед. Рядом бабушка. Читает но-

тации:

– Ну, и что на тебя нашло? Голодаешь? Работой тебя изнуряют? Может быть, дома у тебя нет?

– Ай, бабушка, если бы все было так просто...

– Видишь вот эту бумажку? Это в больнице мне дали, направление в психушку.

– Почему в психушку?

– Потому что в нашем обществе считается, что тот, кто недоволен жизнью – тот психически ненормальный. И вот что я сделаю с этой бумажкой, – бабушка разорвала ее. – Вот. Я схожу в школу, скажу Тамаре Юрьевне, что ты чего-то наелся, провалялся с расстройством желудка. А ты, дорогой мой, знай: ты должен быть мужественным! Никакие неприятности не должны сломить тебя! А как мы жили, вернее, выживали, во время войны? Было голодное время, мы просыпались уже уставшие в пять утра, работали на станках под открытым небом в лютый мороз. Целый день, до самой ночи. Когда смеркалось, при свете фонарей. Голодали... Но этот труд доставлял такую радость! Домой не хотелось уходить, хотя падали с ног от усталости. Работали – и пели. И я все время думала, что вот этот снаряд, и следующий, и сотый, и тысячный – попадет в фашистов! И приблизит победу! И это придавало мне силы. А ты?

– А что я?

– А то – ты сыт, хорошо одет, работа у тебя одна – в магазин за хлебом сходить.

– Ай, бабушка! Как ты не понимаешь! Что голод, что труд, когда в вашей жизни был смысл – победить! Вы все были вместе – один народ! А сейчас каждый сам по себе, человек человеку – волк, товарищ и брат. Каждый стремится занять свое, или чужое, место под солнцем. И ради этого места друг друга сожрать готовы! И это – смысл жизни?

– Нет, не это.

– А – что?

– Ну, не знаю... Раз родился, значит, живи – вот и весь смысл. Короче! Дела у тебя нет, вот и забиваешь голову всякой ерундой! Думал бы больше об учебе, а не о смысле жизни!

Бабушка вышла. Осталась Женя.

– Макс, что все-таки случилось? Зачем ты?..

– Понимаешь, раз смысл в жизни – всех локтями растолкать, и место занять под солнцем, да поуютнее, поудобнее, то я готов принять такие правила игры, А что делать, раз я в этом мире родился? Можно, конечно, плюнуть на все, и отшельником стать, но ведь хочется благами цивилизации пользоваться – есть повкуснее, одеваться получше, не пешком ходить, а на машине ездить. Ну, и так далее.

– Ну, вот! Так зачем травиться?

– Затем – не получается...

– Что – не получается?

– Место занять не получается. Вот я и решил: пройду ступени посвящения, хозяином жизни стану.

– Какие ступени?

– Ну, учение святой Виринеи.

– Виринея? А! Помню – она еще голая выступала.

– Ну, так вот. Я тебе ничего не говорил, а сам к ним заниматься ходил. Сначала они со мной бесплатно занимались, а потом денег потребовали. А у меня таких денег нет. Они и перестали со мной заниматься. Вот я и...

– Так вот в чем дело! Ты попал в секту!

– В какую еще секту...

– Макс, плюнь ты на них! Денег захотели... Ишь, вымогатели!

– Так ведь помогает! Сценарий для «Патефона» помнишь? Это после занятий я его смог написать!

– Ты бы его и так написал!

– Нет! Ни за что! И другие... достижения...

– Макс, я тебя умоляю! Не ходи к ним!

– Не буду... Все равно денег нет...

На самом деле, вернувшись из больницы домой, он твердо решил, что ходить на занятия будет. В конце концов, он прошел первую ступень на пути к сверхчеловеку, он почти победитель над этой жизнью, над своей судьбой. Он своего добьется любыми путями. Надо только четко представлять цель. Чего он хочет? Совершенствоваться дальше, так? Что ему для этого надо? Деньги! И он их получит! Хоть из-под земли достанет!

* * *

Из-под земли-то из-под земли... Да клады только в сказках бывают. А надо реально что-то делать. Однако сумма уж сильно неподъемная. Вот тогда и возникла одна идейка, вызрела, как ядовитый плод.

...Тетя Поля – бабушкина приятельница – работала сторожихой в магазине. Это маленький деревянный магазин недалеко от реки. Максим как-то был там. Дрянненький, Богом забытый магазинишко, полки с товаром, обгаженные мухами. Никаких посетителей. Сонное царство. Казалось, распахни среди ночи двери, никто не зайдет, ничего не украдет. Да и что красть? Типичная картина для восьмидесят восьмого года – мешки с крупой, банки с консервами... Естественно, никакой сигнализации для охраны такого «богатства», только сторожиха тетя Поля. И Максим, задумчиво бродя около бревенчатого здания магазина, все чаще размышлял: не ограбить ли магазин? Ведь залезть туда – легче легкого, и пусть с товарами – большой привет, но деньги в кассе вполне могут быть. Конечно, не сразу он пришел к этой мысли. Сначала он честно пытался копить деньги, прикидывал, сколько накопит, если откажется от завтраков, хотел что-нибудь продать, например, гитару... Но эта мысль – украсть – преследовала его даже во сне. Сначала он думал так: «Я же не всерьез хочу украсть. Я просто выразился фигурально – денег нет – хоть кради... А деньги нужны до зарезу! Я должен пройти вторую ступень! Иначе я просто не знаю, как жить... Для чего жить? Нет, правда, для чего? Для того, чтобы стоять в

длинной очереди, как бабушка, за водкой, сахаром, черным хозяйственным мылом? А потом напиться – и забыться, как Михалыч и Колян из больницы? Когда им посоветовали закодироваться, они сказали: а зачем? Выпить – одна радость в жизни. Только я-то жить хочу! И хочу хорошо жить! А – как? Вот на этих самых ступенях мне и расскажут... если деньги найду. И я найду! Хоть украду, а достану! Нет, я не собираюсь воровать, я просто рассуждаю... Но вот сделать-то это не так уж сложно».

Как-то раз он зашел в магазин к тете Поле, как будто выполняя просьбу бабушки, высмотрел там все, а потом разработал план. Ну, какая из тети Поли сторожиха? Старая, наверно, глухая. Дрыхнет поди ночью в своей кандейке и не слышит ничего. Сигнализации нет. Одна защита – замок на дверях. Замок сбил – и бери, чего душа просит... А можно и не сбивать, а по трубе. Спрыгни – не услышит.

За магазином плотно мостились друг к другу сарайки, относящиеся к близлежащим деревянным домам. А дома-то без заборов – уйти легче, затеряться во дворах. Поначалу вся эта разведка забавляла его, переносила в мир приключенческих романов. Он чувствовал себя кем-то вроде Робин Гуда. Наконец план был готов! Ночью, когда и те три фонаря, которые есть в окрестности магазина, не светят, они с Кириллом, Пашкой и Юркой (а как же иначе: без сообщников в таком деле нельзя), заберутся по сарайкам на крышу магазина, пролезут в трубу и очутятся в каком-то помещении. Если оно

окажется запертым, заранее припасенными инструментами взломают замок, спустятся в торговый зал, взломают кассу – и уйдут, разбив окно. Сразу затеряются во двориках, а там и до дома – рукой подать. Так что пока сторожика, услышав звон стекла, доберется до зала на своих старых ногах, пока поймет, что к чему – они будем далеко.

Осталось придумать, как уговорить Кирилла, Юрку и Павла, как их уломать. Максим стал постепенно внедрять в их головы мысль: что такое, в сущности, воровство? Это – когда берешь чужое. А почему оно чужое? Ведь нас учат, что все принадлежит народу. А народ – это и я в том числе. Значит, это и мне принадлежит. А наше государство не обеднеет, если я возьму немного. Ну очень мне надо! В конце концов, я отработаю, когда вырасту. Получается, что я возьму взаймы. И вообще, что я себя извожу придумыванием оправданий? Кто придумал, что красть – плохо? Такой же человек, как и я, придумал для своего удобства, чтобы я у него его добро не растащил... Он приводил и другие доводы, чтобы звучало подходчивее. Он говорил, что законы выдумали люди для своего успокоения, и что у него свои законы, чтобы ему было хорошо. И вообще, у каждого – своя правда.

Первым сдался Кирилл. Он сказал: «Молодец, Макс! Чем больше тебя знаю, тем больше уважаю. Был такой правильный, скучный, просто ботаник какой-то, а на самом деле – мужик что надо! Я – с тобой!» Павел сомневался: «Ишь, как у тебя все гладко выходит! А ведь накажут...» На что Мак-

сим ему говорил, что Павла удерживает только страх, но что в этом плане нет слабых мест. Тот не сдавался: «А если какая-нибудь неожиданность? Как у Достоевского? Все продумал Раскольников, а вошла Лизавета?»

Что можно человеку возразить на это? «Конечно, – увещевал Максим, – от неожиданностей никто не застрахован: мы пойдем, а тебе кирпич на голову свалится». Наконец Пашка сдался. Правда, красть он наотрез отказался, но постоять на стреме согласился. Ну, а Юрка, понятное дело, ради Максима готов был на все... Максим чувствовал себя властителем дум этих ребят. Он думал: «Интересно, если я им скажу, что черное – это белое, а белое – черное, они мне тоже поверят?» Впрочем, ребят не так уж интересовали деньги, и уж тем более – водка и конфеты, просто они отнеслись к предстоящему ограблению, как к опасному приключению. С заговорщицким видом они шатались вокруг магазина, исследовали все подступы, лазили на крышу сарая.

И вот настал этот день, вернее, ночь. Они подошли к магазину, когда погасли фонари. Все четверо чувствовали приятное возбуждение, адреналин играл в крови, ребята подначивали друг друга шутками. Максим первый полез в трубу. Было тесно, темно и страшно, и жутко от того, что он не знал, где вылезет. Со страшным шумом, как ему показалось от страха, он вывалился в заброшенную пыльную печку. Неприятно было и то, что темнота заливала глаза, как чернила. Будто ослеп. Но это продолжалось несколько секунд. Мак-

сим вытащил фонарик, посветил – все в порядке, он вывалился в печку в обычном кабинете. А тут и Кирилл залез. К их удивлению и радости, дверь оказалась не закрыта. Значит, не надо ничего взламывать – удача сопутствует им. Освещая дорогу фонариком, они тихо прошли по коридору, спустились по деревянной лестнице в торговый зал. Рассохшиеся ступеньки даже не скрипнули под ногами – опять удача. Они прошли мимо кандейки тети Поли. Там было темно, а легкий храп говорил о том, что она спит. Дверь в торговый зал тоже не была закрыта. Видно, люди, ответственные за сохранность магазина, совсем не ожидали нападения, или наивно полагали, что висячий замок снаружи и сторожика внутри – надежная охрана. Тусклый свет фонарика осветил прилавки: бутылки со спиртным, консервы, конфеты... А вот и касса. Максим стал молотком сбивать замок. По правде сказать, горе-грабителям уже не терпелось выбраться на волю. Переутомленные бессонной ночью и нервным возбуждением, они перестали владеть собой. Руки тряслись и не слушались, движения не были уже по-кошачьи вкрадчивы. Проклятый замок не поддавался. Зато молоток производил такой грохот, что казалось – эхо от ударов раздается в самих небесах.

«Уходим! – скомандовал Максим. – Бей окно топором!» Кирилл решительно ударил по стеклу. Одновременно с грохотом падающих осколков по глазам больно ударил электрический свет, и женский голос скомандовал: «Руки вверх!» Это была сторожика. Она целилась в них из ружья.

Это потом выяснилось, что охотничье ружье покойного мужа – заядлого охотника – тетя Поля принесла на работу «на всякий случай». Оно даже не было заряжено, так что все четверо могли спокойно уйти, не обращая внимания на несчастную сторожиху. Но они этого не знали, Кирилл молниеносно подскочил к ней и с размаху топором ударил по голове. Женщина упала, из-под шиньона на пол потекла темная струйка. Кирилл оцепенело смотрел на нее.

Максим еще раз крикнул ему, что надо уходить, протиснулся сквозь разбитое стекло, и побежал. Мимо перепуганного Пашки. Он уже ничего не соображал. Важно было одно: убежать, скрыться. Завернув за ближайший сарай, он услышал истошный Пашкин крик: милиция!

Глава 9

Виринея сидела на больничной койке и смотрела через за-
решеченное окно. Сероватый снег, какой он обычно бывает
в конце зимы, сероватое низкое небо.

«Почему так случилось? – в сотый раз задавала себе один
и тот же вопрос бывшая мессия. – Почему? В чем моя ошиб-
ка? Что я сделала не так?» И вдруг, впервые за несколько
месяцев, она вновь отчетливо услышала голос Княгини: «Не
прикидывайся глупее, чем ты есть на самом деле. Во всем
виновата только ты».

– Я не желаю слушать этот бред! – закричала Виринея,
натягивая на голову подушку.

– А слушать придется! – звучал неумолимый голос. – Как
ты испортила мне все! Я ожидала, что ты продолжишь мой
труд по просвещению людей, по созданию супер-людей, по-
чти равных по возможностям богу. Но я ошиблась в тебе!
Ты показались мне умной, талантливой, энергичной, и пона-
чалу ты действовала правильно – ты написала сей труд, про-
диктованный мною, ты основала движение, у тебя появились
ученики. Согласись, что я выполнила свое обещание – пе-
ред тобой преклонялись, ты получила известность, получила
власть над людьми, получила деньги. Но стоило в твоей жиз-
ни появится мужчине, как ты показала себя слабой женщи-
ной, обыкновенной бабой. Впрочем, чему удивляться? Это

я – Княгиня, во мне текла благородная кровь моих предков, а ты – подлого происхождения, мужичка.

– Откуда вы это знаете?

– Я многое знаю, что скрыто от вас... Итак, что сделала ты? Как ты распорядилась своим высоким положением, которому была обязана всецело мне? Ты попала в зависимость от мужчины, ты дала себя обмануть, он прикарманил все твои денежки.

– Почему же вы не предупредили?

– Потому что это было бесполезно: влюбленная женщина – слепая женщина. Потому что ты не желала меня слушать. Помнишь, как ты затыкала уши, услышав мой голос, как ты спасалась от меня, затуманивая свое сознание спиртными напитками? Один раз я, правда, попыталась открыть тебе глаза, помнишь эпизод с молодым? Как его – Максимом? Однако ты предпочла выполнять указания своего любовника. Мне это было глубоко противно, и я предпочла самоустраниться, со стороны наблюдая твоё падение. И вот результат: твой любовник – в тюрьме, ты – в сумасшедшем доме.

– Но почему? Я же не сумасшедшая!

– А тебе приятнее было бы сидеть в тюрьме, осужденной за мошенничество?

– А, может, я в самом деле сумасшедшая? Может, этот голос – результат моего больного воображения?.. Ну, конечно, тебя просто не существует. Ты – это я.

– По какому праву ты смеешь говорить мне «ты»? Ты – холопка!

– Ну, и что ты мне сделаешь, страшная Княгиня? Я тебя не боюсь. У тебя все, что осталось – это голос, которым ты докучаешь мне, и то я поняла, что этот голос – я сама!

– Тебе самой было бы не по силам создать учение и повести за собой учеников!

– Но ведь повела же!

– Ах, так? Не боишься голоса, может, испугаешься меня саму? Смотри – вот и я.

В быстро сгущающихся сумерках Виринея увидела на противоположной серой стене черный силуэт, который становился все отчетливее и ярче, пока не превратился в даму с совершенно четкими чертами лица, горящими черными глазами, скорбно сжатыми губами. Виринея оцепенела от ужаса, но когда черная дама попыталась приблизиться к ней и уже протянула было к ней руку в черной перчатке, несчастная с диким воплем схватила с тумбочки, стоявшей у кровати, графин с водой и с силой швырнула его в темный силуэт. Графин ударился о противоположную стену, с жалобным звоном рассыпался на много осколков.

– Ну, и чего ты добилась? – спокойно, скрестив на груди руки, спросила Княгиня.

В этот момент в коридоре раздались торопливые шаги, дверь распахнулась, и в палату вошли два санитар и медсестра.

– Что буяним? – ласково спросила медсестра, держа руки за спиной.

– Как хорошо, что вы пришли! – торопливо заговорила Виринея, поглядывая туда, где, жутко улыбаясь, стояла Княгиня. – Посмотрите, вот она!

– Кто, деточка?

– Да она, Княгиня! Вот же она стоит!

Санитары молча и сосредоточенно уложили Виринею на койку, привязав ее крепко-накрепко. У медсестры в руках оказался шприц, содержимое которого было благополучно перелито в беспомощную руку. На некоторое время несчастная впала в забытие.

Когда она очнулась, в палате было совсем темно. Нет, не совсем. Скосив глаза, Виринея увидела свет от нескольких свечей. Она легко поднялась – разве ее не связали? Двинулась туда. Пространство палаты как будто расширилось.

И что же она увидела? Прямо посреди больничной палаты – роскошная комната: на полу – медвежья шкура с мертвой оскаленной пастью... на стенах – картины, на которых изображены оргии: полуобнаженные тела, столы с яствами, полусдернутые скатерти, опрокинутые кубки... на диване в турецком стиле – конечно, она, Княгиня, полулежит, курит кальян, пуская в воздух синеватый дымок. Только совсем как живая.

– Опять ты! Когда же я от тебя избавлюсь! – устало проворчала Виринея.

– Боюсь, что никогда! – расхохоталась Княгиня. – А в этом мире тоже, оказывается, можно вдоволь повеселиться! Например, ставя эксперименты над душами таких, как ты!

– До встречи с тобой я была успешной журналисткой, я делала карьеру, между прочим, год, два, и я бы стала редактором! У меня была творческая работа, друзья, коллеги, а что теперь – сумасшедший дом и одиночество! Вот до чего ты довела меня!

– Это ты сама довела себя. Я всего лишь прочитала твои скрытые мечты и помогла тебе осуществить их. И вот что я получаю вместо благодарности – бесконечные жалобы, упреки. Как скучно!

– Эти мечты привели меня к несчастью!

– А кто тебе сказал, что мечты обязательно должны приводить к счастью? Что такое «мечты»? Это жажда воплощения твоих скрытых желаний, твоей сущности... А какие были твои желания? Желание властвовать над умами и душами людей – раз. Ведь именно для этого ты в свое время пошла в журналистику. Твое желание осуществилось в гораздо большей степени, чем на поприще журналистики. Далее. Желание денег – два. И что же – осуществилось! Только кто тебе сказал, что обладание деньгами – это счастье? Тем более, когда не знаешь, как ими воспользоваться. И последнее твоё желание – иметь прекрасного мужчину. Три. Вряд ли это желание осуществилось бы, если бы ты осталась Леной Синицыной. А так – пожалуйста! Только видеть счастье жизни в

мужчине – самообман! К счастью, я не такая... Ну да ладно. Сегодня ты у меня в гостях. Нравится тебе у меня?

– Нравится.

– Это часть интерьера моего загородного замка в Польше. Присаживайся.

Виринея села на диван.

– Боже, как ты одета! В смиренной рубашке – на моем роскошном диване! Придумай себе что-нибудь поизящнее.

– Как?

– А так – я же тебе говорила, в этом мире все, что напридумываешь, тут же воплощается. Ну?

Как ни была Виринея напугана и растеряна, она решила принять участие в игре. «Это только сон», – подумала она и попыталась вспомнить какую-нибудь картинку из журнала мод.

– О нет! – капризно воскликнула Княгиня. – В этих тряпках тебе больше пристало на панели быть, а не в княжеских покоях гостить! Впрочем, если самой воображения не хватает, так и быть, я сама принаряжу тебя... Ну, как тебе твой наряд? Вот зеркало! Оглянись же!

Виринея оглянулась и – сначала она не узнала в даме, которая глядела на нее из зеркала, себя, но, приглядевшись, осталась довольна и даже заулыбалась, впервые за все эти кошмарные месяцы. Волосы у дамы были завиты в мелкие локоны, на лбу блистала диадема, глубокое декольте соблазнительно обнажало грудь, воздушные бледно-розовые кру-

жева облаком обрамляли плечи.

– Что, хороша? – заботливо спросила Княгиня.

– А можно... можно, чтобы Коля оказался здесь?

– Если хочешь. Но мужчина – это так скучно! А я было думала, что у нас состоится приятная беседа.

– Я только краешком глаза... Я так соскучилась!

И в тот же миг на диване между ними очутился Серафим. Он обалдело смотрел то на одну, то на другую. Наконец, узнав любовницу, воскликнул:

– Ленка!

– Узнал? – сердце радостно забилося.

– Узнал, хоть ты и расфуфырилась! Вот смех-то! Но где это мы?

– Мы все спим, – пояснила Княгиня. – Вы спите в тюрьме, Вириная – на больничной койке, я – в подвале одного дома. Однако мы все встретились здесь, поскольку нет предела непознанному в этом мире.

– Какая фигня, – вздохнул Серафим, – А ты, мое солнышко, сейчас получишь все, что тебе причитается.

Серафим стремительно, как тигр, бросился на Виринаю и принялся душить ее. Лицо его исказилось ненавистью.

– Пусть это только сон! Но как я мечтал сделать это наяву!

– Что ты, Коля! За что?

– За поломанную жизнь, вот за что! За то, что я ошибся в тебе!..

– Довольно! – крикнула хохочущая Княгиня и хлопнула

в ладоши – Серафим исчез. – Милая моя, – обратилась она к перепуганной Виринее, которая поправляла съехавшие с плеча кружева, – люди не всегда относятся к нам так, как бы нам хотелось. Но довольно потешились... Итак, о чем будем беседовать?

– Я хочу знать: если ты – не я, то кто ты?

– Изволь, я расскажу о себе. Теперь, когда мы с тобой проиграли, я – временно, а ты – навсегда, теперь мне нет смысла строить из себя тайну. Прежде всего, я – настоящая Княгиня, из Гедиминовичей. Я рано осталась сиротой. Наедине с огромным состоянием. Однако я была девочка разумная. Я не соблазнилась свободой, не растрачивала состояние на бесполезные удовольствия. До совершеннолетия я жила уединенно в своем имении, со мной занимались учителя, и я, опять же не в пример многим, прилежно училась. В итоге, достигнув совершеннолетия, я знала три иностранных языка – французский, английский и итальянский, очень сносно – арифметику, историю, и отправилась учиться в Европу. Завершив свое образование, я некоторое время жила за границей, путешествовала... А потом мне стало ужасно скучно. Я не видела цели в жизни, не знала, зачем живу. Поначалу путешествия развлекали меня, затем я пресытилась и ими, устала о калейдоскопа лиц, городов, ландшафтов... Зная понаслышке о том, что чувственные удовольствия доставляют счастье, я одно время пустилась во все тяжкие: аристократы из высшего общества... они посвящали мне стихи, они

так красиво, изысканно ухаживали... простолюдины с мускулистыми телами под бедной одеждой... они смотрели на меня, как на богиню... словом, калейдоскоп мужчин – разных национальностей, разных культур, разных вероисповеданий... поначалу от всех этих мимолетных связей я испытывала азарт, как коллекционер, собирающий бесполезные безделушки, каждая из которых, однако, в его памяти была связана с каким-нибудь событием, случаем из жизни. Затем наскучило и это. В сущности, все мужчины одинаковы. Любви же, о которой так вдохновенно пишут в романах, я не встретила. Да это и понятно: я – девушка рассудительная, не склонная к сантиментам, напротив, я – ужасный скептик. Кстати, знаешь, чему я обучалась в Европах? Медицине. Да, именно так. В этом я тоже была оригинальна. Вообрази – начало девятнадцатого века, не так часто можно было встретить даму доктора. По крайней мере, я не только не встречала, но и не слышала о таких. Почему я решила обучаться медицине... Мне хотелось узнать эту жизнь изнутри, с изнанки, разложить ее по полочкам: сердце – на одну полочку, мозг – на другую... Ха-ха! Могла ли такая оригинальная особа попасться на любовную удочку? Никогда! Да я всех этих мужчин насквозь видела. По той же причине я и замуж не вышла. За мной многие ухаживали, признавались в любви, а я думала – вы меня не проведете, вы охотитесь за моим состоянием. Но уж нет! Вам ничегошеньки не перепадет!.. Что еще? Каюсь – пробовала играть. Одно время меня мог-

ли часто видеть в игорных домах. Но – игра меня не возбуждала, я оставалась равнодушна и холодна, мне не ведом азарт игры. Больше меня занимали лица игроков. Разнообразные страсти можно было прочесть на них. В сущности, игорный дом можно сравнить с баней: подобно тому, как в бане люди обнажают тела и не стесняются этого, так и в игорном доме люди обнажают души. И тоже не стесняются этого. Там все такие. Так вот, после того, как мне наскучило решительно все, я стала думать, чем еще мне развлечь себя. И придумала. Дело в том, что я, так же, как и ты, мечтала о власти над людьми. В отличие от тебя, у меня были люди, жизнь которых, счастье которых зависело от меня. Это мои слуги и мои крепостные. Однако мне этого было мало. Мне хотелось властвовать над умами людей свободных, а не принадлежащих мне по праву рождения. Мне хотелось, чтобы эти люди добровольно преклонились передо мной. И еще я мечтала о славе. Еще бы! Такая прекрасная, оригинальная, умная, образованная, незаурядная во всех отношениях особа не должна исчезнуть с лица земли, не оставив след после себя. Такие вот мысли... Помню случай, после которого мне ясно представилось мое поприще. Вообрази, у меня смертельно занемог слуга, молодой, красивый человек. Он был влюблен, полон жажды жизни и не хотел умирать. Я решила самостоятельно вылечить его. Доктор я, в самом деле, или кто! Пока я лечила его, он, осознав, что вся жизнь его – в моих руках, смотрел на меня, как на бога. Больше ни-

кто и никогда не смотрел на меня с таким сверхъестественным страхом, надеждой, мольбой. Это было очень соблазнительно, это приятно щекотало нервы. Это было единственное, что могло возбудить меня. Я ставила эксперименты над этим больным – давала ему такие лекарства, от которых ему становилось хуже, и тогда страху его, отчаянию не было предела – о! как он смотрел на меня! Затем я потчевала его такими снадобьями, от которых ему становилось лучше, и тогда он готов был молиться на меня. Разумеется, он выжил, а как же иначе? Я – великий врач. Его преданности не было границ, в чем я неоднократно убеждалась. Однако сейчас я рассказываю о другом – о своем поприще. Итак, я поняла – для того, чтобы по-настоящему властвовать людьми и оставить след в истории, надо стать богом. Да, вот так, не больше, не меньше. Впрочем, больше уже некуда, а на меньшее я не согласна. А чтобы стать богом, надо придумать свою религию. Как Христос. Надо сказать, я не верю в то, что Христос был богом. Я вообще в бога не верю. Меня всеми этими хитростями не проведешь. Сама, кого хочешь, проведу. Но то, что действовал он грамотно, у него не отнять. Мне было, чему поучиться. Прежде всего, я уяснила себе, что любая религия – ничто без чудес. И я научилась делать чудеса. Каким образом? А таким: я брала уроки у магов, фокусников и гипнотизеров. Таким образом, я могла спокойно передвигать вещи взглядом, могла чрево вещать, могла вызывать духов и проделывать всякие другие фокусы. Но это не очень интересно,

это – дело техники. Гораздо больше мне нравилось гипнотизировать, вводить людей в состояние транса. Вот это действительно интересно, можно в такие глубины человеческой души заглянуть... Право же, если я могу поверить во что-то сверхъестественное, так это в переселение душ. Суди сама – в состоянии транса некоторые разговаривали на чужих языках, которых они никогда не учили, вспоминали события, которым они никак не могли быть свидетелями, поскольку события эти происходили задолго до их рождения. Моя мечта сбылась – я стала богиней, властительницей умов, повелительницей душ, волшебницей, загадкой. Enigma.

А потом я вернулась в Россию. Почему? Ну, во-первых, дела в моих имениях требовали моего присутствия. Во-вторых, и это, наверное, основное – хотелось проверить свое могущество, проверить – правда ли, что нет пророка в своем отечестве? Испытать православных казалось мне труднее, а значит, интереснее. Захотелось новых вершин, новых достижений... Петербург меня встретил морозами, снегом в лицо, черными днями – стояла середина зимы, темнело поздно, тусклый свет еле теплился несколько часов и угасал, придавленный темнотой почти полярной ночи... Несколько месяцев – и в столице у меня также появились свои ученики. Это оказалось нетрудно – скучающая светская публика падка на экзотику, а я как раз и явилась такой экзотикой для жаждущего новых впечатлений Петербурга. Я приехала как раз после падения какой-то богатой дамы, когда уже и косточки все

ей перемыли, и каждый камень в нее бросил, некоторые не один... Меня стали наперебой приглашать в салоны, все хотели видеть мои сеансы, стоило мне появиться в публичном месте, как вокруг меня образовывалась толпа... Особенным успехом пользовались спиритические сеансы, когда мы вызывали духов умерших. Во время сеансов на меня работала, конечно, сама обстановка. Представь себе – в ожидании начала общество проводит время за светской беседой в гостиной. Пьют чай с восточными сладостями, до которых я большая охотница. Беседа течет неспешно, и говорят о делах обыденных, однако на лицах присутствующих видишь отпечаток внутреннего напряжения. Все ждут. И все знают, что ждут. Но вот наступает долгожданный час: ровно в полночь раздается мелодичный звон: бом, бом, бом... Общество затихает, а как только бой часов замирает в тишине, все поспешно встают и, с напряженными и озабоченными лицами направляются в соседнюю комнату. Там – темнота. Слуга вносит канделябр, тени от мерцающих огней мечутся по стенам... Общество рассаживается вокруг стола, и начинается действо. Поначалу я использовала свое умение чрево вещать, дабы создать видимость присутствия среди живых людей душ умерших. Однако с удивлением открыла для себя, что все прекрасно идет само собой. Люди слышат голоса, возбужденно обсуждают услышанное, дамы теряют сознание, но, разумеется, лишь на миг, чтобы не пропустить самое интересное. Мужчины многозначительно перегляды-

ваются... Забавно. Случались и смешные эпизоды. На сеансе один важный граф, чопорный и неприступный, которого все уважали и несколько побаивались, вдруг возомнил, что в прошлой жизни он был венецианской проституткой. Он же-манничал, хихикал и, задирая старческие ноги в полосатых рейтузах, хвастался своими красными кружевными чулками. Да, есть что вспомнить... Впрочем, кончилось все конфузом: церковь обвинила меня в ереси, светские власти – в мошенничестве, и меня сослали в Сибирь. Я ужасно обрадовалась – уж там-то меня еще не было! Правда, путешествие было очень утомительным. Тащились до Урала почти месяц. Когда переваливали через Большой Камень, я думала, что там меня уж точно ждет конец света. Какие-нибудь чудеса вроде людей-великанов, незнакомой природы. А оказалось, что за Уралом – та же Русь, те же бескрайние степи, березки, родной, привычный глазу пейзаж. Только деревеньки стали попадаться реже. Хотя избы сибирских крестьян, я заметила, более добротные, чем у расейских... По Сибири тащились еще месяц. И наконец приехали в Барнаул, где мне и предстояло пережить мое заключение. Приятно поразило то, что Демидовская площадь и главная улица города – Петропавловская, напоминают Петербург. В миниатюре, конечно, и более скромный, но все же... На Демидовской площади – дома в стиле классицизма с колоннами, на Петропавловской улице – дома, как бы перетекающие один в другой. Да и Демидовский столп хоть и не Александрийский, но... И обще-

ство я застала там вполне сносное. Дамы одеты по последней парижской моде, в домах – клавесины, богатые библиотеки, изящные предметы роскоши. Так что я и в провинции устроилась со вкусом. А слава уже летела впереди меня.

Я сняла пять комнат в доме на Петропавловской улице, рядом с аптекарским парком. Пусть меня лишили доброго имени, но мои богатства остались при мне. А потому первым делом я позаботилась о том, чтобы создать вокруг достойный меня интерьер. Я не равнодушна к Востоку, а потому свое жилище я превратила в маленькое подобие сераля. В течение нескольких дней у меня перебивал весь местный свет. Дамы, прежде чем войти в гостиную, чтобы лицезреть меня, закатывали глаза и украдкой вдыхали нюхательную соль. Мужчины смотрели на меня с восторгом. Я уже стала лелеять надежду на интересную интрижку. Сама я, в свою очередь, нанесла визит губернатору. Он жил в прекрасном даже для такого глухого местечка доме, больше похожем на средневековый замок. Думала ли я, что этот дом станет моей могилой и тюрьмой для моей души? Однако по порядку. Губернатор – пожилой, седовласый, но по-прежнему интересный, породистый мужчина, принял меня благосклонно. Он попросил, чтобы я рассказала ему о своем учении. Я рассказал кое-что. Он заинтересовался. И захотел пройти первую ступень. Поскольку занять себя мне было решительно нечем, я с удовольствием стала заниматься с ним. Однако с первых же сеансов стало ясно, что у этого с виду спокойно-

го, уверенного в себе, сильного человека, на душе беспокойно, смутно, по ночам его преследуют кошмары. Вот тут-то и всплыли наружу все его грехи, да что там грехи – преступления: убийства, предательства... Он не ходил в церковь, и не облегчал душу на исповеди. Он признался мне, что такому уважаемому, авторитетному человеку не пристало унижаться перед священником, рассказывая о своих грехах. «Как можно, – говорил он, – священник на меня смотрит подобострастно, кланяется чуть не до земли, а, узнав обо мне все, он меня презирать будет!» Одним словом, гордыня. Вникнув же в мое учение, он стал истовым моим поклонником. Он всем захлеб рассказывал, что наступает новое время, которое требует нового учения, новой религии, а христианство годится только для старух, да для народа, который в силу своего невежества не сможет понять изысков нового откровения. Мои сеансы помогли ему, излив мне душу, он стал более спокойным, умиротворенным, взгляд – более ясным. Понятно, что во мне он души не чаял. Этот важный сановник готов был край моего платья целовать. Он дарил мне драгоценности, выписывал для меня редкие цветы и растения, сладости, изящные и дорогие безделушки. Как-то раз он напрямик спросил, что он может для меня сделать. Я осмелилась и заявила ему, что лучшее, что он может сделать для меня – это выхлопотать помилование. Признаюсь, мне изрядно наскучило сидеть в глуши. Губернатор, однако, очень резко возразил мне, что никуда он меня от себя не отпустит.

О! Дело здесь было вовсе не в любви мужчины к женщине! У него, кстати, оказалась премиленькая молодая супруга... Так вот, дела обстояли гораздо хуже: освобождая человека от беспокойства, исцеляя его душу, я стала единственным человеком, посвященным в его тайны, единственным, кто знал все о его злодеяниях. Таких людей так просто от себя не отпускают. Я боялась, что, почувствовав душевное облегчение, он просто уничтожит меня за ненадобностью. Я знала, на что способен этот страшный человек, так как знала о нем все! Например, о том, что в подвалах его дома-крепости находятся казематы, куда люди губернатора сажают неугодных ему. Я знаю, что заключенных там пытали и даже казнили без суда и следствия. Можно сказать, что тот, кто попал туда, мог попрощаться с белым светом... Однако я отвлеклась. Итак, губернатор стал таким ярым поклонником моего учения, что не только оказывал мне покровительство, но и стал поощрять мою деятельность. И, разумеется, он настоял, чтобы семинары по спиритизму, гипнозу, а также прохождения ступеней, проходили в его доме. А коли сам губернатор заразился моим учением, то стоит ли удивляться, что все сливки местного общества валом повалили в его дом, на мои занятия. Кто-то по простоте душевной посчитал, что если такой умнейший человек уверовал в это, то надо и им приобщиться к неведомой истине. Кого-то привлекала экзотика, все эти вызывания мертвых, колдовство, гипноз... Кто-то таскался к нам от скуки... Много было и таких, которые

просто пытались делать карьеру. Однако у нас появилась и оппозиция. Несколько очень религиозных горожан. Фанатики. Такие во времена реформ патриарха Алексия предпочитали ссылку богатству. Оппозицию возглавил местный священник – отец Арсений. Губернатор был человек страстный и прямолинейный. Увлечшись моей философией, он стал ее горячим проповедником, стал вступать в дискуссию с отцом Арсением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.